

An oil painting-style illustration of a woman and a child standing on a dirt road in a vast, arid landscape. The woman, seen from behind, wears a red long-sleeved shirt and blue jeans. The child, also seen from behind, wears a red dress. To their right is the rear of a light green Volkswagen Beetle with a license plate that reads '7AYP681'. In the background, there are rolling hills, a utility pole, a 'no left turn' sign, and a large, jagged mountain peak under a sky with soft, white clouds. A large yellow circle is overlaid on the center of the image, containing the author's name and the title.

БАРБАРА
КИНГСОЛВЕР

ФАСОЛЕВЫЙ
ЛЕС

NEOCLASSIC
ПРОЗА

Neoclassic проза

Барбара Кингсолвер

Фасолевый лес

«Издательство АСТ»

1988

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Кингсолвер Б.

Фасолевый лес / Б. Кингсолвер — «Издательство АСТ»,
1988 — (Neoclassic проза)

ISBN 978-5-17-171262-4

Окончив школу в захудалом городке в штате Кентукки, Мариетта Гриер покупает древний битый «фольксваген» и отправляется в путешествие по Америке в поисках лучшей доли. Она не ждет чудес, но точно знает, что в родных краях таким, как она, ловить нечего. Серость, уныние, однообразие — вот все, что может вам предложить округ Питтмэн. Да, Господи, в 70-е здесь еще не знали, что такое дисковый телефон! Если ты хотел кому-нибудь позвонить, нужно было снять трубку и сказать оператору: «Девушка, соедините...» «О, нет, с меня довольно штата Кентукки», — сказала себе Мариетта, трогаясь с места. — Прощай, округ Питтмэн, я больше сюда не вернусь». Так начался первый день ее самостоятельной жизни. А на закате этого дня ее уже ждал сюрприз...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-171262-4

© Кингсолвер Б., 1988

© Издательство АСТ, 1988

Содержание

1. Не всем удастся сбежать	6
2. Новогодний поросенок	21
3. Иисус, наш Господь. Подержанные покрышки	27
4. Таг-Форк	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Барбара Кингсолвер

Фасолевый лес

Barbara Kingsolver
The Bean Trees

© Barbara Kingsolver, 1988
© Перевод. В. Миловидов, 2023
© Издание на русском языке AST Publishers, 2025

* * *

Анни и Джо посвящается

1. Не всем удастся сбежать

Накачивать колеса я боюсь с того самого дня, когда шина трактора, которую надувал отец Ньюта Хардбина, вдруг лопнула и зашвырнула его на рекламный щит компании «Стэндрд Ойл». Я не вру! Там, наверху щита, он и повис. Пока Норман Стрик бегал в здание суда и оттуда вызывал добровольную пожарную команду, у щита столпилось человек двадцать. Пожарные прихватили с собой лестницу, с ее помощью они и стащили бедолагу вниз. Но он не умер, а только оглох. Ну и, вообще, с тех пор стал немного не в себе. Сказали, что шину он просто перекачал.

С Ньютом Хардбином мы не дружили. Этот парень был одним из тех великовозрастных лоботрясов, что постоянно остаются на второй год. Ему было уже почти двадцать, а он все еще торчал в шестом классе; сидел в последнем ряду и развлекался тем, что щелчком отправлял комки жеваной бумаги мне в волосы. Но в тот день, когда его папашу закинуло на рекламный щит и он болтался там, как старый комбинезон на заборе, я вдруг поняла, к какому финалу, в конце концов, Ньюта приведет жизнь, и мне стало его жаль. Кстати, до этого самого момента я никогда, пожалуй, и не задумывалась о будущем.

Мама говорила, что Хардбины плодятся лишь для того, чтобы свалиться где-нибудь в колодец и утонуть. Что не было до конца правдой, так как по нашей округе таскалось довольно их отпрысков, и многие доживали до зрелого возраста. Но мне было понятно, что мама имела в виду.

Я совсем не хочу сказать, что мы с мамой были в чем-то лучше Хардбинов. Нет, и у нас лишнего гроша за душой не водилось. Более того, если бы вы поставили нас с Ньютом плечом к плечу в нашем шестом классе, вы бы наверняка приняли нас за брата и сестру. И, учитывая, сколько мне известно о моем отце, это вполне может быть правдой, хотя мама клянется, что отца своего я не знаю, никогда его не видела и не могла видеть – просто потому, что тот исчез задолго до моего рождения. Но, так или иначе, мы с Ньютом были сделаны из одного теста, и коленки у нас в детстве были ободраны совершенно одинаково, когда мы дрались за место под солнцем, изо всех сил стараясь устоять на ногах. Правда, тогда еще нельзя было наверняка сказать, кто из нас останется в нашем болоте, а кто сумеет выбраться и сбежать.

Все, кто меня знал, звали меня Мисси. Это не было моим настоящим именем, но, когда мне было три года, я топнула пухлой ножкой по полу и потребовала от мамы, чтобы она звала меня не Мариеттой, а *мисс* Мариеттой, поскольку в домах, где она работала, мне велели всех, от мала до велика, звать *мисс* такая-то или *мистер* такой-то. Так с тех пор и повелось, и я стала мисс Мариеттой, а после – и просто Мисси. Потому что я так захотела, а мама всегда была на моей стороне.

Такой уж была моя мама. Неподалеку от нашего дома есть небольшой пруд. Когда я была совсем маленькой, я ходила туда по воскресеньям ловить рыбу и приносила домой костлявых синежаберников и окуней размером с мой большой палец. Мама встречала меня с таким видом, будто я поймала карпа на полцентнера – ровно такого, о каком мечтают, сидя и жуя табак, все рыбаки в нашей округе.

– Ах ты, добычица моя! – говорила мама, после чего готовила эту мелюзгу и торжественно подавала к столу, словно это был обед в день Благодарения.

Я обожала рыбачить в местных заиленных прудах. Не только потому, что мне нравилось, с какой гордостью мама принимает мою добычу, но и потому, что я просто любила сидеть и не двигаться – вдыхать запах листвы, гниющей в холодном иле, смотреть, как по воде вышагивают водомерки, у которых под лапками водная пленка чуть прогибается, но никогда не рвется; а то увидеть вдруг, как в толще холодной воды сверкнет коричнево-золотистым боком огромный линь – такой, какого никто и не мечтает здесь изловить.

К старшим классам, когда у меня появилась первая работа и все такое, Ньюта в школе, понятно, уже не было, и тут как раз случилась с ним та жуткая история, о которой я хочу рассказать. Он тогда помогал своему отцу-полукалеке сажать табак и уже успел жениться на девице, которая незадолго до этого от него залетела. Звали ее Джолин Шэнкс, и все были немного удивлены или, по меньшей мере, притворялись, что удивлены ее поступку, а про Ньюта никто и слова не сказал – чего еще ждать от этих Хардбинов?

Я же учебу не бросила. Не то, чтобы я была самой умной или имела выдающиеся способности, нет, – я просто не хотела повторить историю Джолин. Уж коли ты пошла в школу, то обязана ее закончить. Если честно, я прекрасно знала, что может происходить ночью на заднем сиденье «шевроле»; не раз бывала на Траттен-роуд, которую мы называли «Трахтен-роуд», и хорошо представляла, что у парней спрятано в штанах. Но мне все равно не улыбалось закончить жизнь женой табаковода. Сидеть на кухне беременной, в застиранном халате, – это не для тебя, говорила мама. Кому, как не ей, меня знать.

Именно с таким настроением и без особых происшествий я добралась до выпускного класса. Хочу, чтобы вы поняли, чего мне это стоило: в те годы мои одноклассницы одна за одной бросали учебу – они осыпались, словно семена мака из маковой головки, и каждый лишний день в школе был для них как подарок. К последнему классу нас осталось вдвое меньше, чем парней. И вот тогда, словно в награду за проявленную твердость, нам назначили нового преподавателя естественных наук. Звали его Хьюз Уолтер.

Теперь – о *нем*, и поподробнее. Он ворвался в нашу жизнь внезапно. Светловолосый, сильно смахивающий на Пола Маккартни, он уселся на учительский стол. На нем были тугие джинсы и свежая рубашка с закатанными рукавами и подвернутыми манжетами. На его фоне парни из нашего класса сразу показались какими-то несвежими драными носками – вроде тех, что мама приносила домой на штопку. Нет, Хьюз Уолтер не был парнем из Кентукки. Он был городской, приехал из какого-то северного колледжа, и именно поэтому, как мы дружно решили, его звали так странно, задом наперед.

Не скажу, что я в него по уши втрескалась. Разве что немного, но не больше, чем прочие мои одноклассницы, о чем можно было судить по стенам нашего туалета: той помады, что они извели, выводя там «Х.У., я навеки твоя!», хватило бы, чтобы покрасить приличных размеров амбар. В этом смысле он меня не задел. Но жизнь мою переменял от и до.

Он нашел мне работу. Я и раньше, чтобы помочь маме свести концы с концами, помогала ей по воскресеньям с глажкой белья, за которую ей платили сущие гроши, и время от времени присматривала за капризными отпрысками хозяев в домах, где она убиралась. Иногда мне удавалось подработать, собирая жуков на фасолевых грядках – по пенни за куст. В общем, ничего интересного. Он же нашел мне настоящую работу в питтсбургской окружной больнице, которая на сто миль вокруг считалась самым солидным и чистым заведением. У мистера Уолтера была жена, которую звали Линда и наличие которой никоим образом не принималось в расчет женской половиной нашей школы. Миссис Линда Уолтер занимала в больнице должность одной из старших медсестер. Она спросила мужа, нет ли у него среди старших школьников кого-нибудь, кто смог бы поработать у нее по субботам и после школы, чтобы потом, после окончания, остаться в больнице уже на полную ставку. Работа несложная – это подай, то принеси... Так он нам все и изложил.

Конечно, вы бы подумали, что он даст эту работу одной из Полосатых Конфеток, городских девиц, у предков которых было достаточно денег, чтобы покупать им каждый год новую бело-розовую, в полоску, волонтерскую форму, в которой они по субботам таскали больничные утки с таким видом, будто это – святаяшья из святынь. Или, может, Эрлу Уикентоту, который способен, не моргнув глазом, разрезать на две половинки живого червяка? Именно этими соображениями я и поделилась с мамой на заднем крыльце нашего дома. Мы лутили горох – я сидела на табуретке, а она в своем переднике устроилась в плетеном кресле.

– Эрл тебе и в подметки не годится, – сказала мама. – Детка моя! Когда тебе было пять лет, ты съела целого червяка и не поморщилась. Ничем он не лучше тебя. Как и любая из этих Полосатых.

И все-таки я думала, что Хьюз Уолтер предложит работу кому-нибудь из них. Так я ей и сказала.

Мама подошла к краю крыльца и высыпала пригоршню пустых гороховых стручков из передника в клумбу. Там росли бархатцы и огненно-красная космея. Это у нас фамильное – мы любим только яркие краски. Когда на линейке в школе я стояла в общем ряду, отыскать меня среди купленных в «Бобби Брукс» унылых розовых и бежевых одеяний было проще простого.

Медгар Биддл, который целых три недели был моим парнем и даже сопровождал на выпускной вечер, как-то сказал, что по моей одежде можно проверять зрение. Не на остроту, когда вам показывают таблицу, где в начале стоит большая «Е», а на дальтонизм, как перед армией. Мы с ним тогда решили расстаться, но мне все равно это польстило. Я давно решила: если уж не смогу одеваться элегантно, то оденусь так, что меня запомнят.

Набрав в передник очередную кучку полных гороховых стручков, мама вновь уселась в кресло. Она совсем не походила на тех молодых мамаш, что на школьные соревнования своих детей приходят в обтягивающих джинсах. Она выросла совсем в другое время. До того, как на свет появилась я, маме пришлось пережить крутые времена, включая недолгий период, когда у нее был целый муж, некто Фостер Гриер, которого назвали в честь Стивена Фостера, дяденьки с добрым лицом из учебника по истории, известного тем, что он написал балладу «Мой старый дом в Кентукки». Но через двадцать два года после того, как мать Фостера дала сыну это имя, она умерла. Говорили, что от разбитого сердца. Сам же Фостер прославился тем, что пил как лошадь, заливая в себя виски через воронку для бензина. Моей маме он строго-настрого наказал, чтоб не вздумала выкинуть финт и забеременеть. Позже мама говорила, что, обменяв меня на Фостера, она заключила самую удачную сделку из всех, что совершались на берегах Миссисипи.

С гороховыми стручками мама расправлялась в три раза быстрее, чем я: ее правая рука ловко изворачивалась, два пальца подцепляли тоненькую ниточку, торчащую из кончика стручка, а третий выталкивал горошины наружу.

– Я себе представляю это так, – сказала мама. – Каждый из людей – это все равно что огородное пугало. Ты, я, Эрл Уикентот, президент Соединенных Штатов, даже Всемогущий Господь. А устоишь ты на ветру или нет, зависит от палки, на которую тебя насадили. Только и всего.

Несколько мгновений я молчала, после чего сообщила маме, что попрошу мистера Уолтера дать мне эту работу.

Воцарилось молчание. Тишину нарушал лишь Генри Биддл, который гонял газонокосилку у себя во дворе, да гороховые стручки, с хрустом являвшие миру свои сокровища.

Потом мама сказала:

– А дальше что будешь делать? Он же не знает, что лучше тебя ему не найти.

– Так я ему об этом скажу, – отозвалась я. – Если, конечно, он не отдал место какой-нибудь Полосатой.

– Даже если отдал – все равно скажи, – улыбнулась мама.

Как оказалось, места в больнице он пока никому не отдал. Два дня о работе ничего не было слышно, а потом я осталась после уроков и сообщила мистеру Уолтеру, что, если он не передумал, я готова начать, и что у меня, конечно же, все должно получиться самым лучшим образом. Уж если мне удалось до этого дня не нажать себе неприятности, то и впредь я не собираюсь пускать жизнь под откос только потому, что оканчиваю школу. Мистер Уолтер согласно кивнул головой, пообещав передать мои слова Линде, и велел в понедельник явиться прямо к ней – она скажет, что нужно делать.

Поначалу я думала, что за место придется побороться, но, когда все закончилось так быстро, растерялась и не сразу сообразила, что сказать. У Хьюза Уолтера были самые чистые ногти во всем округе Питтмэн.

И тогда я спросила, почему он отдает это место именно мне, на что он ответил, что я подошла к нему первой – только и всего. И тогда я подумала: сколько времени мои одноклассницы тратят впустую, мечтая о том, чтобы что-то предложить Хьюзу Уолтеру! А я единственная взяла – и предложила. Хотя, конечно, нужно правильно формулировать предложение...

Оказалось, что работать мне придется в основном с Эдди Рикеттом, который заправлял лабораторией. Там были и кровь, и моча, и кое-что похуже, но я не собиралась жаловаться. А еще был рентген. Эдди был этакий веснушчатый старичок – впрочем, не такой уж и старый, поскольку все в больнице заметили, что он не женат. Только Эдди был из тех людей, кого никогда не спрашивают, почему они так и не обзавелись семьей.

Эдди со мной не нянчился, не относился как к учительской любимице. То есть никакой лишней хрени, и мне это было вполне по душе – я же пришла в больницу, чтобы дело делать, и я его делала. Лаборатория и рентген-кабинет занимали две смежные комнаты, и там постоянно сновали люди – распахивали двери, что-то носили туда и обратно, скрипя подошвами по черному линолеуму пола. Вскоре я стала одной из них – знала, куда положить какую бумажку, и, не морща носа, таскала всякие продукты человеческой жизнедеятельности.

Я многому научилась. Научилась смотреть в микроскоп на клетки крови, которые назывались пластинками тромбоцитов, хотя ни на какие пластинки они похожи не были; скорее – на разношенные бейсбольные перчатки. Я размазывала разведенную специальным раствором капельку крови по стёклышку и, шурясь, считала их количество. Держу пари, от такой работы можно очень скоро ослепнуть, но, к счастью, в округе Питтмэн было не так много людей, которым срочно требовалось узнать, сколько тромбоцитов у них содержится в миллилитре крови.

Я не проработала и недели, когда это случилось. Была суббота. Из приемного покоя причались санитары и принялись кричать, чтобы Эдди готовил свой аппарат. У Хардбинов случилась авария, привезли парочку. Впрочем, к этому все были привычны. Эдди только спросил, насколько дело срочное, и не нужна ли ему будет помощь, чтобы зафиксировать их перед рентген-аппаратом. Те сказали: одному нужна, другому нет. То есть один из них горяченький, а другой – совсем холодный.

У меня не было времени подумать, что это значит, потому что в эту же секунду в кабинет ввезли кресло-каталку, на которой сидела Джолин Шэнкс, а точнее – Джолин Хардбин; вслед за ней, как я успела увидеть, везли носилки на колесиках; их оставили в коридоре. Джолин выглядела как героиня фильма, смотреть который ну совсем не хочется! С правого плеча через всю грудь у нее тянулся мокрый язык кровавого следа, лицо и губы были блее полотна, и ее большая физиономия выглядела как кусок бледного теста. Тем не менее, она ругалась и всячески сопротивлялась, и не было похоже, что она собирается отдать концы. Когда я взяла ее за запястье, чтобы помочь встать с каталки, ее рука вывернулась из моей хватки, словно стальной канат. Джолин была явно не в себе, потому что кричала, как бы обращаясь к кому-то, скорее всего – к Ньюту:

– Не смей этого делать!

И, после короткой паузы:

– Иди и прибей своего папашу, если уж на то пошло! На него злись, а не на меня!

Неожиданно она затихала на мгновение, и потом все начиналось по новой. Мне было страшно интересно – а какое отношение ко всему этому имеет папаша Ньюта?

Где-то на подходе был доктор Финчлер, но сестра Маккуллерс уже успела осмотреть Джолин, и все оказалось не так плохо, как можно было подумать на первый взгляд. Кровь остановилась, но нужно было дождаться снимков, чтобы посмотреть, как прошла пуля и не раздробила ли она чего-то важного по дороге. Я взглянула на Эдди – вдруг он заставит меня переодеть

раненую в больничный халат, сняв с нее заляпанные кровью блузку и лифчик. Не могла не думать про кровавые пятна, я ведь всю жизнь помогала убирать. Но Эдди отрицательно покачал головой – раненую сейчас лучше поменьше крутить, а доктор сам разберется, где там на снимке крючки, а где застежки.

– Вам повезло, что стрелок он никудышный, – говорил Эдди, вытягивая руку Джолин на столе рентген-аппарата. Его слова в сложившихся обстоятельствах мне показались излишне грубыми, но, в конце концов, это же был Эдди. Я держала Джолин за локоть, стараясь не причинить ей лишней боли, но бедняга была в истерике, сопротивлялась и никак не хотела заткнуться. Мысленным взором я видела всю сцену как бы со стороны: я, в своем свинцовом переднике, стою над Джолин и держу ее – словно мясник, удерживающий теленка на пути его превращения в бифштекс.

Потом Эдди сказал, что мы закончили, и, занявшись проявкой снимков, велел мне отвезти Джолин в соседнее помещение и подождать – если во время рентгена она двигалась, снимки придется переделать. Я, было, направилась туда, но Эдди крикнул санитарам, чтобы те везли второго, и, подведя укрытые простыней носилки к столу, они принялись перекладывать на него неподвижное тело – так, словно накрывали стол к обеду. Я остолбенело смотрела на происходящее и очнулась лишь тогда, когда Эдди крикнул, чтобы я увозила Джолин, потому что этого типа держать не нужно, ибо он никуда не рвется, а снимок для дознавателя из полиции он сделает и без моей помощи. Я слышала Эдди, но не могла отвести взгляд. Может быть, я тупая? Но до меня только тогда дошло, что это был Ньют.

В соседней комнате Джолин ждали носилки на колесиках, но она решительно от них отказалась, а вместо этого села у стены на откидной стул, бормоча себе под нос:

– Слава Богу, ребенок был у мамы...

И, после паузы:

– И что мне теперь делать?

На ней была широкая розовая блузка, которую можно носить и беременной, и просто так, но, как я поняла, беременной она не была. Нарядная блузка, открытые плечи, бантики на рукавах, хотя, конечно, кровь превратила ее черт знает во что.

Джолин была круглолицей крупной девушкой, и весь ее облик будто пытался доказать – чтобы попасть в неприятности, совсем не нужно обладать внешностью чирлидерши. Беда только в том, что это ни к чему толком не приведет. Так мальчишка, желая повыпендриваться перед матерью, несется на велосипеде с раскинутыми в стороны руками и ногами и орет: «Гляди!»! Но она так и не посмотрит, пока он не вломится во что-нибудь и не разнесет себе башку.

Мы с Джолин не дружили. Она была на пару лет старше меня и уже давно не ходила в школу, но согласитесь – когда тебя подстрелили, а твой муж лежит в соседней комнате мертвый, поневоле захочешь увидеть дружеское расположение даже в случайно подвернувшемся человеке, подающем тебе таблетку тайленола с кодеином. Она стала рассказывать, что во всем виноват папаша Ньюта, что он бил и его, и ее, и даже их ребенка стукнул ведерком для угля. А я все не могла себе представить, как этот полумертвый дед мог побить Ньюта, который с виду был что твой бычок-трехлеток. Впрочем, дом у них маленький, народу много, а старик совсем ничего не слышал. И, правда, как еще они могли жить? Уж, наверное, не светские беседы вели.

Мне кажется, я только кивала головой, да бормотала что-то типа *все будет хорошо*, а Джолин продолжала ныть о том, что не представляет, что теперь будет с ней, с ребенком и со стариком... О, Господи! Угораздило ее с ним связаться!..

Наверное, это было жестоко с моей стороны, но я спросила:

– Джолин, почему ты выбрала Ньюта?

Она слегка раскачивалась на откидном стуле, держась за простреленное плечо и глядя на собственные ноги. Глаза у нее были из тех, что как будто никогда не открываются до конца.

Сказала же она вот что:

– Да какая разница, кого выбирать? Мой папаша называл меня шлюхой с тех пор, как мне стукнуло тринадцать. Потом подвернулся Ньют. Ну а дальше сама знаешь, как оно бывает.

Но я не знала, поскольку отца-то у меня и не было. В известном смысле, выходит, мне повезло. Я сказала об этом Джолин, и она согласно кивнула.

Мне казалось, прошла вечность, пока мы возились с Джолин, и давно уже наступила ночь. Ан нет! Был еще белый день, и все вокруг продолжали трудиться с самым невозмутимым видом. Я пару раз выходила в туалет и меня выворачивало наизнанку, после чего возвращалась и, уткнувшись в микроскоп, раз за разом пересчитывала одни и те же крохотные бейсбольные перчатки, распростершиеся под моим взглядом на предметном столе. Никто меня не подгонял. Во всяком случае, женщина, которая сдавала этот анализ, за свои деньги получила самый качественный результат.

Мне очень хотелось, чтобы мама была дома – нужно было перед кем-нибудь прорыдаться и сообщить, что я бросаю эту работу. Но дом был пуст, и к моменту, когда она вернулась, в одной руке неся полную сумку продуктов, а в другой – корзину белья для глажки, я уже почти успокоилась. Конечно, я ей все рассказала – и про розовую блузку Джолин с бантиками и рюшами, и, конечно, про Ньюта, а потом заявила, что, поскольку самое худшее я уже увидела, бросать не имеет смысла.

Мама крепко обняла меня и сказала:

– Мисси! Никогда еще я не встречала такой, как ты!

На этом разговор кончился, но в ее компании я почувствовала себя гораздо лучше. Мы вдвоем занялись приготовлением обеда – варили овощи и яйца, лавируя на тесной кухне. Наконец за окном стемнело. Мама то и дело посматривала на меня и качала головой.

С мамой дело обстояло так. Во-первых, она всегда ждала от меня лучшего. А во-вторых, что бы я ни сделала, с чем бы к ней ни пришла, она всегда вела себя так, словно я у нее на глазах луну на небо повесила и звезды в розетку включила. Вот как про меня думала мама!

Итак, я *осталась* в больнице. Осталась на пять с половиной лет, и за это время сосчитала столько тромбоцитов, что вы и представить себе не можете. Кому-то может показаться, что все это время я только и делала, что развлекала маму разговорами да время от времени встречалась со Спарки Пайком, которого большинство наших считали отличной партией – ведь у него была постоянная работа контролера газовых счетчиков! Но мне в конце концов надоел его треп о том, кто, как и в чем (или без чего!) валяется летом на заднем дворе своего дома.

К тому времени у меня созрел план. Когда я училась в старших классах, лучшим из приколов мы считали, например, написать на городской водонапорной башне слова «Выпуск 1975-го» или, допустим, на Хэллоуин привязать к той же башне козла, уведенного у местного фермера. Но теперь у меня были вполне серьезные намерения. Работая в окружной больнице Питтмэна, я не только помогала маме с оплатой дома и разнообразных счетов, но и смогла отложить пару сотен долларов. На них-то я и купила маленький «фольксваген-жук» 1955 года. Правда, у него не было боковых стекол, заднего сиденья и стартера, но при известном опыте стартер не так уж и важен: можно держать одну ногу на сцеплении, а другой отталкиваться через открытую дверь, особенно если припарковался на холме, коих в нашей части Кентукки – пруд пруди. На этой машине я собиралась свалить из округа Питтмэн и навсегда забыть обо всем, что здесь было. Кроме, конечно же, мамы.

Когда я притащила автомобиль домой, мама сразу поняла, что я задумала. Окинув его быстрым взглядом, она сказала:

– Если уж ты обзавелась таким старьем, нужно научиться на нем ездить.

Она имела в виду, наверное, что я должна уметь решить любую возникшую проблему, потому что заставила меня снять все четыре колеса и вновь поставить их на место, а сама стояла посреди дороги, сложив руки на груди, и смотрела.

– Отлично, Мисси, – сказала она. – Скоро ты отсюда уедешь, и последним, что я увижу, будет пыль из-под колес.

Помолчав, она спросила:

– А что ты будешь делать, если я спущу переднее колесо?

Так она и поступила.

На что я ответила:

– Пустяки! Поставлю запаску.

Хотите верьте, хотите нет, но запаска у этой чертовой машины была.

После этого мама спустила заднюю шину, спросив меня:

– А что ты будешь делать теперь?

Думаю, мама время от времени попадала в подобное положение со своим Фостером и их «олдсмобилем», а потому хотела удостовериться, что я готова к любым неожиданностям.

Я же подумала и отозвалась:

– У меня есть велосипедный насос. Мне хватит сил немного подкачать колесо и отогнать машину в мастерскую к Норману Стрику.

Мама стояла, скрестив руки на груди, и я осознала, что ни она, ни сам Господь Бог не сделают того, что я должна сделать сама, а потому закрыла глаза и принялась изо всех сил накачивать спущенные шины.

Увы, мама не могла понять, что я чувствовала. Ее же не было рядом в тот день, когда папашу Ньюта Хардбина взрывом тракторной шины швырнуло на рекламный щит, и она не знала, что я вижу своим внутренним зором. А я вижу: вот папаша Ньюта летит – медленно, словно рыба в стоячей воде, лениво шевелящая хвостом и плавниками. А вот и сам Ньют: лежит неподвижно, словно окунь, попавшийся на крючок.

Выехав из округа Питтмэн, я приняла два решения. Первое осуществила, второе – нет.

Во-первых, я решила подыскать себе новое имя. Мне не особенно нравилось имя, данное мне при рождении, и наступил подходящий момент, чтобы начать с чистого листа. Не то, чтобы у меня было припасено какое-нибудь особое имя – просто хотелось чего-то нового. И чем больше я об этом думала, тем сильнее убеждалась в том, что имя – это не то, что ты выбираешь себе сам по какому-то данному тебе праву. Имя тебе дают и, как правило, независимо от твоего желания. Ну что ж, пусть за меня решит бензобак. Где он опустеет, там я и стану искать знаки.

Я едва не стала тезкой города Гомер, штат Иллинойс, но все-таки протянула еще немного. Пришлось скрестить пальцы, пока мой «фольксваген» пронесся мимо Сидни, Садоруса, Серро Гордо, Декатура и Блю-Маунд, и уже на одних бензиновых парах влетел в Тэйлорвилль. Так что теперь я – Тэйлор Гриер. Пожалуй, я все-таки не совсем пустила дело на самотек, но, так или иначе, новое имя у меня появилось в значительной степени по воле судьбы, что не могло меня не радовать.

Второе решение – то, что мне не удалось осуществить, – касалось конечного пункта моего путешествия. Конечно, я немало времени провела, рассматривая разные карты, но, поскольку я не помню, чтобы хоть раз бывала где-нибудь, кроме Кентукки (родилась я, правда, в Цинциннати, по ту сторону реки, но это не имеет значения), мне трудно было решить, почему одно место следует предпочесть всем прочим. Разве что из-за картинок в рекламных брошюрах, которые попадались мне на бензоколонках: штат Теннесси они представляли Штатом Волонтеров, Миссури – Штатом «Покажи-ка мне»! (не представляю, что это значит), и в каждом штате, если судить по фото, было полным-полно дамочек с аккуратными прическами в стиле пятидесятых, стоящих толпой на фоне водопадов. Естественно, верила я этим брошюрам лишь

настолько, чтобы вытирать ими капот машины. Даже Питтмэн там был назван городом, воплотившим некий Дух Кентукки. Где, интересно, они его почуяли, этот Дух? Среди картофельных жучков или в наших городских сплетнях?

Итак, я обещала самой себе, что буду ехать на запад до тех пор, пока машина не остановится. Там и останусь. Но, как оказалось, кое-что я не приняла в расчет. Мама научила меня всему, что касалось автомобильных шин, а также попутно многому другому. Но я ничего не знала о рокерах, то есть рычагах привода клапана. А еще – о Великих равнинах.

Вид равнины наполнил мою душу отчаянием. Думая, что мне удастся ее объехать стороной, от Вичиты, что в штате Канзас, я повернула на юг. Но спастись не удалось – она настигла меня в центре Оклахомы. Я никогда не думала, что на нашей круглой Земле могут быть такие плоские места. В Кентукки, где есть и горы, и холмы, взгляд почти всегда натывается на препятствие, давая возможность помечтать, что по ту сторону холма вас ждет что-то очень хорошее. Но на Великих равнинах этот номер не пройдет – все лежит перед вами здесь и сейчас, и, куда бы вы ни смотрели, ничего лучше этой равнины вы не увидите. Было ясно, что в Оклахоме надеяться не на что.

Машина моя сдалась где-то в самой середине этой великой пустоты, которая, если верить дорожным знакам, принадлежала племени чероки. Рулевое колесо неожиданно утратило всякую связь с направлением, в котором двигался мой «фольксваген», но благодаря какому-то чуду, которого я точно не заслуживала, мне удалось дотащить целой и невредимой до ближайшей станции техобслуживания.

Человека, который наладил мне рычаг привода, звали Боб Дважды-Два. Не хочу сказать, что он заломил бессовестную цену (если бы я знала, что и как, подтянула бы рокер сама), но в тот вечер он потопал домой, унося в кармане половину всех моих денег. Я сидела на парковке и тупо смотрела на безбожную пустоту Великих равнин. Хоть вешайся и сама зарывайся в землю. Но смысла в этом не было – машину-то мне починили!

С другой стороны, все это было смешно. Сколько я себя помнила, мама всегда говорила, что чероки – это наш туз в рукаве. Ее прадед был чистым чероки, одним из немногих индейцев, кого то ли из-за возраста, то ли из-за упрямства не сумели перегнать из Теннесси в Оклахому. И мама всегда говорила:

– Если удача нас оставит, мы всегда сможем уехать и жить среди чероки.

И в ней, и во мне текла достаточная доля индейской крови, чтобы нас приняли. Как мама говорила, хватит одной восьмой. Она называла это нашим «подушным наделом».

Конечно, побывай она тут, она бы поняла: чтобы согласиться здесь жить, в пятую точку должно упираться чье-то ружье. Ясно, что вся эта программа по переселению индейцев чероки в Оклахому была предпринята с одной целью – чтоб присмирели и не рыпались.

Чероки верили, что Бог живет на деревьях. Так мне говорила мама. Когда я была маленькая, я забиралась как можно выше на дерево и спускалась только к обеду.

– Это в тебе индейская кровь играет, – говорила мама. – Ты хочешь увидеть Бога.

Насколько я успела заметить, во всей Оклахоме не было ни одного дерева.

Солнце меж тем клонилось к плоскому горизонту. Впереди меня ждали двенадцать часов дороги, освещенной лишь фарами моей машины. Мне не терпелось поскорее убраться отсюда. Мотор «фольксвагена» работал, пробужденный к жизни пусковыми проводами Боба Дважды-Два, и не хотелось попусту тратить этот подарок судьбы, но я слишком устала, чтобы выезжать на ночную дорогу, не поев и не выпив кофе. Включив скорость, я преодолела широкую полосу утопанной земли, разделявшую станцию обслуживания и небольшое, похожее на кирпич здание, в окне которого горела неоновая вывеска «Будвайзер».

Как только я подъехала, на машину, словно пчелы на мед, налетела стайка мальчишек.

– Помоем вам стекла, леди! – кричали они наперебой. – Всю машину – за доллар!

– У меня нет стекол, – отозвалась я и, протянув руку к заднему окну, высунула руку наружу. – Видите, только лобовое. Повезло, ведь и доллара у меня тоже нет.

Но мальчишки не отставали. Суетясь вокруг моего «фольксвагена», они просовывали руки в машину через пустые окна. Я подумала, а не забрать ли мне с собой в бар свои пожитки. Ничего ценного у меня не было, но и последним жертвовать не хотелось.

– Вы, ребята, живете здесь? – спросила я.

Мальчишки посмотрели друг на друга.

– Ну да, – сказал один из них, что был постарше. – Вот он – живет. Он мой брат. А эти двое – нет.

– Слыхали, что такое «полароидная память»? – спросила я.

Старший мальчик кивнул. Другие просто глазели на меня и на машину.

– У меня как раз полароидная память, – сказала я. – Это как фотоаппарат. Моя голова вас сфотографировала, поэтому не вздумайте у меня что-нибудь утащить. Утащите – вам конец.

Мальчишки отскочили от «фольксвагена», машинально вытирая ладони о штаны, словно уже что-то успели сграбастать и теперь избавлялись от краденого.

На улице было уже прохладно, но в баре сохранялась дневная жара – такая, что, казалось, в воздухе можно было плавать. Возле двери притулилась проволочная стойка с открытками. В основном там были изображены индейцы в дурацких картинных позах да виды Университета Орала Робертса, который, судя по всему, находился поблизости (хотя я была уверена: даже если бы он стоял в двухстах милях отсюда, я бы его все равно увидела с парковки).

Я выбрала открытку, где были изображены две индианки – одна постарше, другая помоложе, очень хорошенькая. Они стояли возле чего-то вроде молотилки для кукурузы. Мне всегда было интересно, какую же конкретно одну восьмую чероки я в себе несу, и тут я увидела: длинные прямые волосы и тонкие запястья. Молодая индианка на картинке была одета в мои любимые цвета – бирюзовый и красный. Нужно послать открытку маме, подписав: «Это мы с тобой». Стоила открытка десять центов.

Я села у стойки и протянула монетку стоящему за ней человеку. Он кивнул в сторону кофейника, я кивнула в ответ, и он налил мне чашку. Из музыкального автомата доносился голос Кенни Роджерса. Телевизор, стоящий за стойкой бара, был включен, но работал без звука. Шла программа то ли об университете Орала Робертса, то ли из него – я узнала университет по картинкам с открыток. Время от времени на экране появлялся человек с чистыми пухлыми ручонками и прической хохолком, словно у дятла. Он что-то говорил, но беззвучно. Я предположила, что это был сам Орал Робертс, хотя, конечно, откуда мне было знать? Иногда внизу экрана появлялась голубая бегущая строка – то номер телефона, то просто фраза «Хвала Господу нашему!».

Я написала на открытке: «Твой дед был прав. Никого не хочу обидеть, но эти земли чероки – настоящая дыра».

Помедлила и закончила: «Двигаюсь на запад. Люблю тебя».

И подписалась: «М». Подписываться именем Тэйлор было рановато.

Бар пустовал, и только за стойкой оставались двое – белый парень и индеец. На обоих были ковбойские шляпы. Я подумала: видно, теперь и индеец может стать ковбоем, а вот наоборот – вряд ли! Шляпа у индейца была коричневая. Коричневых тонов было и его тонкое лицо, напомнившее мне орла. Впрочем, когда это я видела орла? Возрастом он был где-то между молодостью и не первой молодостью. Я представила себе, что у меня есть в точности такой же прадед – с орлиным носом и гладким подбородком. Второй за стойкой был в серой шляпе, и в облике его было нечто угрожающее. Таких, кто ищет неприятностей, сразу видно. Оба пили пиво и смотрели Орала по телевизору, который работал без звука, и время от времени негромко перебрасываясь одной-другой фразой. Пили они по второй бутылке или же накачивались с самого раннего утра – с таким народом трудно определить, пока не станет

слишком поздно. Я попыталась вспомнить, где встретила сегодняшнее утро. Это было в Сент-Луисе, в штате Миссури, где над городом возвышается гигантская арка «Макдональдса». Но мне показалось, что была я там не на восходе, а много веков назад.

– У вас есть что-нибудь поесть, только чтобы это стоило меньше доллара? – спросила я старика за стойкой. Тот скрестил руки на груди и пару мгновений смотрел на меня таким взглядом, будто никто и никогда его ни о чем подобном не спрашивал.

– Кетчуп, – сказал ковбой в серой шляпе. – Эрл подает первоклассный кетчуп. Верно, Эрл?

И толкнул бутылку кетчупа вдоль по стойке так, что та стукнулась о мою чашку и пролила кофе центов на пять.

– Вы думаете, это смешно, когда нет лишнего гроша? – спросила я и резким движением послала бутылку обратно. Бутылка ударилась о пивную кружку ковбоя. Впрочем, мне не удалось пролить его пиво. Он смерил меня взглядом, после чего уставился в телевизор, словно ему было лень со мной возиться. Я почувствовала, что мне хочется плевать огнем.

– Не обращайтесь внимания, мисс, – сказал Эрл. – Его кто-то в задницу укусил. Могу вам дать бургер на девяносто девять центов.

– Давайте, – кивнула я.

Прошло минут десять-пятнадцать, пока готовилась еда, и все время ожидания я, стараясь не заснуть, думала о том, что же говорит в телевизоре тот тип с пухлыми руками. Вообще, эту забегаловку не мешало бы поскрести. Через открытую дверь виднелась кухня, в углу которой стояла плита, настолько заросшая пригоревшим жиром, что, казалось, ее установили там во времена Адама и Евы. Воздух в баре был таким жарким и затхлым, что приходилось дышать с изрядным усилием, чтобы добыть из него хоть какой-то кислород. Кофе несколько меня не взбодрил. Я уже готова была встать и выйти на улицу, чтобы продышаться, но тут подоспел мой бургер.

Тем временем оказалось, что за столиком у задней стены сидит третий посетитель – женщина, кругленькая и еще не старая. Она куталась в одеяло. Не в индейское одеяло, а точно в такое же, что было у нас с мамой дома – шерстяное, розовое, подшитое по краю атласной лентой. На плечах у женщины лежала пара тощих безжизненных кос. Она не ела и не пила, но довольно часто поглядывала в сторону стоящих у стойки мужчин. Впрочем, может быть, смотрела она только на одного из них – от моего столика было не определить. Но смотрела так, что, если бы я получше соображала, мне следовало бы испугаться.

Бургер за девяносто девять центов немного взбодрил меня, но я все еще чувствовала, будто голова моя набита белыми пушистыми комочками, которыми набивают спасательные жилеты. Сейчас я выйду на улицу, и ветер разнесет их над темной плоской равниной, словно серебристый пух, слетевший со стручков молочая.

Пытаясь отогнать сон, я прочитала все плакаты и таблички, припиленные к стене. Там было: «Меня не уволят – рабов продают, а не увольняют!» «При пожаре кричать *Пожар!*». По нижней части телевизионного экрана по-прежнему бежали слова «Хвала Господу нашему! ... 1–800... Господу нашему». Я постаралась сконцентрироваться на том, чтобы собрать себя в кучу, хотя место для этого выбрала неважное. Потом вышла на улицу. В лицо ударила ночная свежесть, и я принялась глотать воздух так часто, что голова закружилась. Наконец села в машину и, положив руки на руль, попыталась настроиться на то, чтобы всю ночь ехать по шоссе через Оклахому.

Когда она постучала в лобовое стекло, от неожиданности я едва не подпрыгнула. Это была та круглая женщина в одеяле.

– Не нужно, спасибо! – сказала я.

Я думала, она хочет помыть стекло, но она обошла машину и открыла дверь со стороны пассажирского кресла.

– Вас куда-то подбросить? – спросила я.

Вся ее фигура, лицо, глаза были круглыми. Чтобы нарисовать ее, достаточно было обвести карандашом пригоршню монет по десять и двадцать пять центов, а еще – крышки от стеклянных банок. Женщина распахнула одеяло и извлекла оттуда нечто живое. Это был ребенок. Она принялась заворачивать его в одеяло и заворачивала до тех пор, пока ребенок не превратился в плотный сверток с торчащей поверх головой. После этого незнакомка устроила сверток на пассажирское кресло моей машины.

– Возьмите младенца, – сказала она.

Впрочем, если точнее, это был уже не младенец. Пожалуй, он был достаточно большим, чтобы уметь ходить, но и достаточно маленьким, чтобы его можно было нести на руках. Где-то посередине между младенцем и человеком.

– И куда я его должна взять? – спросила я.

Женщина посмотрела на бар, потом на меня.

– Просто возьмите.

Я с минуту помедлила, полагая, что совсем скоро в голове у меня прояснится и я смогу понять, что она говорит. Но так и не поняла.

У ребенка были такие же круглые глаза, как и у этой женщины. Все четыре этих совершенно одинаковых глаза глядели на меня из темноты, глядели, не отрываясь. Ждали. Неоновая надпись на окне бара мигала, отбрасывая тусклый свет, в котором белки этих глаз казались оранжевыми.

– Это ваш ребенок?

Женщина покачала головой.

– Моей умершей сестры.

– И вы хотите, чтобы я взяла его себе?

– Да.

– Если бы я хотела ребенка, я бы осталась в Кентукки, – сообщила я женщине. – И сейчас у меня дети бы из ушей лезли.

Из бара вышел один из мужчин. Серая у него была шляпа или коричневая, сказать я не могла, поскольку машину свою припарковала на отшибе. Мужчина сел в стоящий у крыльца пикап, но не включил фары и мотор.

– Это ваш муж? Тот, что в баре? – спросила я.

– Туда не возвращайтесь, – сказала округлая женщина. – Не скажу, почему. Просто не возвращайтесь.

– Послушайте, – обратилась я к ней. – Если вам даже очень хочется, просто так отдать ребенка нельзя. Нужны документы и все такое. Обычные дела. Даже на машину делают документы, чтобы никто не сказал, что она краденая.

– У этого ребенка нет документов. Никто не знает, что он живой. Да и вообще всем наплевать, есть он или нет. Всем, кому это должно быть важно. Например, полиции. Этого ребенка родили в «плимуте».

– Но не сегодня же утром! – продолжала я. – В «плимуте» или не в «плимуте», он достаточно большой, чтобы его заметили.

Я смутно догадывалась, что говорю не о том. Такой разговор нас никуда не приведет.

Женщина сунула руки к ребенку под одеяло и, бережно подтолкнув, устроила поудобнее – так, будто ему на этом сиденье самое место! Потом закрыла дверь и пошла прочь.

Глядя ей вслед, я подумала, что не такая уж она и круглая. Без ребенка и одеяла женщина оказалась очень худой.

Я с силой сжала руль – так, что кончики ногтей впились в ладони. Может, боль заставит мозги работать и решить, что мне делать? Пока я думала об этом, женщина забралась в пикап,

и машина поехала, так и не включив фары. Интересно, они это сделали с каким-то расчетом или у них в пикапе вообще нет фар?

– Хвала Господу нашему! – произнесла я. – У меня, по крайней мере, хоть фары есть.

Я думала: я могу пойти назад, в бар, и отдать ребенка Эрлу. Или тому, другому из этой парочки. Просто посажу его на стойку бара, рядом с солью и перцем, и смотаюсь отсюда. Или найду местечко, где можно будет поспать, и уже утром все хорошенько обдумаю.

Пока я пребывала в раздумьях, свет в баре погас. Вырубилась, мигнув напоследок, и реклама «Будвайзера». Еще один пикап прошуршал мимо меня по гравийной поверхности парковки и направился к шоссе.

На то, чтобы запустить мотор, мне понадобились все силы – ведь во всей Оклахоме я не нашла ни одного холма, на котором можно было бы припарковаться.

– Черт! – шипела я. – Чертов сукин сын!

Я толкала и толкала машину, потом запрыгивала внутрь, отжимала сцепление и вновь толкала, и вновь запрыгивала.

Круглые глаза ребенка смотрели на меня из темноты.

– Ты не думай, что я дура, – сказала я, обращаясь к нему. – В Кентукки это получается куда проще.

У моей машины не было счетчика пробега, отчего мне трудно было судить, сколько миль мы проехали, пока не добрались до города. Может быть, пятьдесят, может, больше. Без стекол в машине было холодно, и бедняжка, должно быть, замерз, хотя и не проронил ни звука.

– Ты разговариваешь? – спросила я, и тут же подумала – а вдруг ребенок говорит на каком-нибудь другом языке, не на английском. – И что мне с тобой делать? А что ты ешь?

На равнинах, в отличие от холмистых местностей, царит полная тишина. Когда едешь на машине по плоской земле, звук мотора уносится прочь в пустые поля, и ничто – ни холмы, ни силосные башни, ни дома, – не мешает ему без остатка раствориться в ночи. Было настолько тихо, что мне казалось: если что-нибудь скажу, то ничего не услышу. И все-таки, чтобы слышать хоть что-то, я принялась мурлыкать себе под нос. В тот момент я бы не пожалела и последнего доллара за радио. Готова была слушать даже Орала Робертса. Чтобы не уснуть, я принялась разговаривать с по-прежнему молчащим ребенком. Правда, с каждой уносящейся назад милей мне хотелось спать все меньше, и все больше до меня доходило, что я делаю нечто в высшей степени странное.

Мы проехали знак, который сообщил нам, что до Музея Женщин-пионеров осталось столько-то миль. Отлично, решила я. По крайней мере, мы куда-то подъезжаем.

– Так ты мальчик или девочка? – спросила я.

Стрижка у малыша была «под горшок», как бывает на картинках у китайских детей. Она (или он?) ничего не сказала (не сказал?). Ничего, со временем узнаю.

Через несколько миль мне пришло в голову: а вдруг ребенок мертвый? Вдруг та женщина подкинула мне мертвого ребенка, убитого или умершего? Сунула его мне в машину, а теперь я еду и с ним разговариваю! Я ведь читала в книжке по литературе для старших классов рассказ про то, как женщина сорок лет спала в одной постели со своим мертвым мужем. То же самое было в «Психо» у Хичкока, где Норман Бейтс мумифицировал свою мать, чтобы та не сгнила. Правда, он был чучельник. У индейцев тоже есть способы сохранять мертвецов. Я что-то читала про индейские мумии на Западе. Их находят там в пещерах. Я приказала себе успокоиться. Глаза-то у ребенка были открыты, когда эта женщина посадила его в машину. Хотя, с другой стороны – ну и что? Он, вроде, и не моргал? Так... И что мне полагается за то, что я перевезла мертвого индейского ребенка через границу штата?

Через некоторое время я почувствовала запах мокрой шерсти.

– Слава небесам! – пробормотала я. – Видно, ты все еще живой!

Я планировала поспать в машине, но, понятно, в мои планы не входил замерзший мокрый ребенок.

– Да, это уже серьезно, – сказала я, обращаясь к нему. – Найдем телефонную будку, придется звонить один-восемьсот-Господу-нашему...

Первая телефонная будка, к которой мы подъехали, находилась снаружи мотеля с энергичным названием «Мустанг». Я медленно поехала вдоль его фасада, всматриваясь в то, что виделось внутри, но парень за стойкой мне не понравился – от такого ничего не добьешься.

Дальше в ряд стояли еще несколько мотелей, которые через стеклянные фасадные окна, похожие на телеэкраны, заливали светом обочину шоссе. В некоторых из них на ресепшене никого не было, а вот в «Сломанной стреле» за стойкой стояла седоволосая женщина. Бинго!

Я припарковалась под неоновым изображением стрелы, которая то ломалась, то снова становилась целехонькой, и вошла в вестибюль.

– Здравствуйте! – сказала я. – Хорошего вам вечера. Холодно сегодня, верно?

Женщина оказалась старше, чем выглядела снаружи. Руки у нее дрожали, когда она оторвала их от стойки, а голова покачивалась – так, словно она говорила «нет» кому-то, кто притаился, невидимый, у меня за спиной.

Но там, понятно, никого не было. Это просто возраст, поняла я. Женщина улыбнулась.

– Зима идет, – сказала она. – Куда деваться?

– Согласна.

– Долго ехали?

– Слишком долго, – кивнула я. – У вас симпатичное местечко. Радует глаз. Вы хозяйка?

– Мой сын – хозяин, – сказала она, покачивая головой. – Я здесь сижу по ночам.

– Семейный бизнес? Понятно.

– Да, что-то вроде этого. Мы тут с невесткой занимаемся уборкой, а дела ведет сын. Он работает на мясокомбинате в Понка-Сити. Мотель у него – приработок.

– Надеюсь, вы сегодня не забиты под завязку! – пошутила я.

Женщина рассмеялась.

– Такого не было со времен президента Трумэна.

Она медленно перевернула несколько страниц регистрационной книги.

– И что – здесь и впрямь останавливался президент Трумэн? – спросила я.

Женщина подняла на меня взгляд. Ее большие глаза плавали в озерцах толстых очков, словно огромные головастики.

– Не думаю, детка. Я бы такое запомнила.

– Мне кажется, вы очень добрая женщина, – сказала я. – Поэтому не буду ходить вокруг да около. У меня нет денег, чтобы заплатить за комнату, и я бы не стала вас тревожить, если бы в машине у меня не сидел ребенок. Он мокрый, он замерз, и может схватить воспаление легких, если я не найду для него теплой постели.

Женщина посмотрела туда, где стояла моя машина, и покачала головой, но я, конечно, не поняла, что у нее на уме. Потом она произнесла:

– Даже не знаю, что и сказать, детка.

– Мне многого не нужно, и утром я все за собой уберу. А еще могу перестелить все постели в мотеле. И, вообще, сделаю все, что вы скажете. Мне только на одну ночь.

– Даже и не знаю...

– Позвольте, я принесу ребенка. Пусть он хотя бы погрееется, пока вы решаете, как мне быть.

Самым удивительным в этом малыше была его цепкость. С того самого момента, как я извлекла его из мокрого одеяла, в котором он сидел как в гнездышке, он прильнул ко мне и

вцепился руками – так дерево вцепляется корнями в сухую землю. Думаю, мне было бы проще оторваться от собственных волос, чем от него.

Ну что ж, вышло даже удачно. Я была так измотана, что ничего не соображала, и запросто могла бы его где-нибудь забыть, пока возилась с машиной и перетаскивала свой нехитрый скарб в дальнюю комнату «Сломанной стрелы». А так я просто носила ребенка на себе – взад и вперед, и это было очень похоже на то, что я делала в больнице; там главное было – не сбиться с маршрута. Похоже, таскать кровь и мочу – моя судьба.

Как только мы устроились, я сразу же развесила одеяло на кресле, чтобы просохло, и, закрыв отверстие в ванне, налила туда на несколько дюймов теплой воды.

– Первым делом, – сказала я ребенку, – нужно тебя помыть. С остальным разберемся завтра утром.

Мне вспомнилось, как я однажды нашла щенка и решила оставить его себе, но мама, недолго думая, велела дать в газету объявление о пропаже – по тридцать пять центов за слово, кстати сказать.

– А если бы он был твой? – спросила она. – Как бы ты себя чувствовала, если бы он пропал?

И я написала: найден щенок, коричневые пятна, возле Флойдз-Милл-роуд. Как мне не хотелось писать название улицы тремя словами – это же целый доллар, да еще и пять центов! Теперь я подумала: чтобы вернуть эту свою находку ее законному владельцу, я не поскупилась бы и на сто пять долларов. Но какое объявление нужно написать в этом случае? Найден индейский ребенок?

Вся одежда была ему великовата – рукава подвернуты, а полы рубашки обмотаны вокруг тела. Все было мокрое, будто рабочие сапоги, пропитанные грязью, и так же трудно снималось. На внутренней стороне предплечья у ребенка обнаружился синяк размером с долларовую монету. Мокрая рубашка отправилась отмочить в раковину. Пока я проделывала все это, ребенок цепко держался за мой палец.

– Ах ты, козявка, – сказала я, потряхивая пальцем, зажатым в маленький кулачок. – Прямо как иловая черепашка. Если кого укусит, своего уже не отпустит, хоть плачь!

Но, как только я освободила палец, маленькие руки вцепились мне в рукава и волосы. Сняв с ребенка штаны и подгузник, я увидела еще синяки.

Синяки и кое-что похуже.

Ребенок оказался девочкой. Бедняжка! Это уже успело наложить на ее коротенькую жизнь ужасный отпечаток. Я-то думала, что знаю все о гнусностях и подлостях, которые люди делают друг другу, но и подумать не могла, что кто-то может совершить такое с ребенком.

Девочка спокойно сидела в ванне и смотрела на меня, а я молила Господа, чтобы у нее хватило сил не упасть и не захлебнуться, потому что мне пришлось отпустить ее руку – я скрючилась на полу возле унитаза, борясь с тошнотой. Пол был из линолеума с рисунком, напоминающим кирпичную кладку. Ничто, даже вид мертвого Ньюта Хардбина, еще не вызывало во мне такой горечи.

Девочка плескалась в теплой воде, словно лягушонок. Ладонками она хлопала по поверхности воды, словно пытаясь что-то поймать.

– А ну-ка, возьми! – сказала я и протянула ей тряпочную мочалку, на которой несмываемым маркером было написано «Сломанная стрела». Девочка ухватила мочалку и улыбнулась. Господи, помилуй!

Вымыв и вытерев девочку, я уложила ее в постель в футболке, которую одна из маминих приятельниц привезла как-то с озера Кентукки. Футболка на мне сидела в обтяжку, и на ней было написано «Я супер»! Я стройная, и у меня совсем небольшая грудь, как у модели, так что, скажу без ложной скромности, смотрелась она на мне отлично. Бирюзовая, с красными буквами, она оказалась малышке гораздо ниже колен.

– Смотри, какие красивые цвета, – сказала я, натягивая футболку на ее сонную качающуюся головку. – Настоящие индейские цвета.

Наконец маленькие ладошки ослабели и перестали цепляться за меня. Девочка уснула.

Я вынула из своей сумки привезенные из дома марки, завернутые в вощеную бумагу, лизнула одну и прилепила к почтовой открытке, которую купила в баре. Потом перевернула открытку и к уже написанному тексту про индейцев чероки добавила:

– Я нашла свой подушный надел, мама. И он едет со мной.

2. Новогодний поросенок

Лу Энн Руис жила в Тусоне, хотя считала себя обычной кентуккийкой, которую просто занесло далеко от дома. Иностранную фамилию она получила от мужа, Анхеля. В конечном итоге это стало единственным, что у нее от него осталось. Муж бросил Лу Энн на Хэллоуин.

За три года до этого, как раз перед Рождеством, Анхель на своем пикапе попал в аварию, после которой у него остался протез на левой ноге, ниже колена, и еще что-то новенькое в голове, что труднее было описать словами. У Лу Энн часто появлялось ощущение, что муж ее не любит. Впрочем, он изменился и с другими людьми – вечно бранил их за то, в чем они совсем не были виноваты. Теперь же Лу Энн была беременна первым ребенком. Родить она должна была через два месяца и молила Бога, чтобы это произошло не в Рождество.

Лу Энн понимала теперь, что разрыв с мужем наметился у нее задолго до того, как она забеременела, но она ничего не делала, чтобы его инициировать. Такими уж правилами она руководствовалась в жизни. Она ждала, что развод будет развиваться сам по себе, как беременность, и они мало-помалу придут к какому-то пониманию без всякой необходимости обсуждать сам процесс. Но все получилось совсем не так.

Анхель как будто совсем не возражал, когда по ночам в постели она стала отворачиваться от него, а утром тихонько ускользала на кухню, чтобы пожарить ему яичницу. Возможно, он думал, что она беспокоится за ребенка. Позже, когда они вновь принялись спорить и ругаться, в их перепалках появился оттенок безнадежности, которой Лу Энн раньше никогда не испытывала. Ей казалось, что кости у нее сделаны из пластилина, как у куклы из мультсериала про Гамби, и, если ее согнуть, она в таком положении и останется. Она сидела за пластиковым кухонным столом с рисунком под дерево и скользила пальцами по его поверхности, на которой были изображены срезы сучьев, а Анхель ходил по кухне взад и вперед и обвинял ее в том, что она его недооценивает. Перечислял своих друзей, имен которых она даже не помнила, и спрашивал, спала ли она с ними. А если не спала, то не хотела ли переспать. Анхель хромал совсем незаметно, но при каждом втором его шаге слышалось легкое позвякивание. Должно быть, в протезе надо было что-то подтянуть, поправить, но муж был слишком горд, чтобы идти в протезную мастерскую. Позвякивание слышалось даже тогда, когда он повышал голос и почти кричал. Лу Энн не могла ничего придумать, чтобы повернуть разговор в другое русло, и этот кошмар тянулся и тянулся. Однажды, еще несколько лет назад, в минуту крайнего раздражения она швырнула в мужа лежавшую на столе упаковку болонской колбасы. Тогда они дружно рассмеялись, и ссора на этом закончилась. Теперь у Лу Энн просто не было сил, чтобы встать и открыть холодильник.

В конце концов, он заявил, что все это – из-за его ноги, и, что бы она ни говорила, не отступался от своего мнения. Постепенно она вообще перестала с ним разговаривать, и, лежа ночью на спине, чувствовала, будто на ноющий позвоночник давит не младенец, а чувство вины.

Лу Энн вспоминала, как через пару недель после аварии она везла его на кресле с колесиками по белому коридору больницы, чтобы забрать домой. Ощущение полноты жизни распирало ее, она очень гордилась собой, ведь в этом кресле было все, что она любила и что ей было дорого. То, что она едва не потеряла мужа, делало его еще более драгоценным в ее глазах. Один из врачей сказал, что жизнью он обязан своему сапогу, и Лу Энн готова была расцеловать этот сапог, хотя после аварии никто точно не знал, куда он задевался. Сапог застрял в двери пикапа, отчего Анхеля проволокло по дороге несколько сот ярдов, пока машина не рухнула в ирригационную канаву на восемьдесят шестом шоссе к западу от Тусона. Как ни странно, пикап почти не пострадал. В кабине лежала бутылка виски «Джим Бим», которая даже не разбилась. Ногу пришлось отнять, потому что ее всю перекрутило и раздробило, но врач сказал,

что, если бы Анхеля сразу выбросило из кабины на такой скорости, он бы погиб мгновенно. Лу Энн мимоходом подумала, что доктор это сказал, чтобы ее мужу было не так горько расставаться с ногой, но решила просто поверить ему на слово.

Привезя мужа домой, Лу Энн бросила работу на полставки в дневной школе «Три медведя», чтобы заботиться о нем. Она убедила Анхеля, что его пособия по временной нетрудоспособности им на житье хватит – пока он не вернется на свой завод по розливу спиртного. Она целыми неделями сидела с ним на кровати, играя в джин рамми, а еще бегала в магазинчик Ли Синг, чтобы принести ему все, что он хотел. Лу Энн очень нравилось, что он всегда просил что-нибудь конкретное – сдобный пирог от «Миссис Смит» или бифарони. Она и не догадывалась, что Анхель вообще не знал, что продукты бывают разных марок – если речь не идет, понятно, о пиве. Ни до, ни после им не было так хорошо вместе.

За все это время рана Анхеля ни разу не вызвала у Лу Энн отвращения. Когда культя зажила, она совершенно спокойно трогала ее, чего сам Анхель не делал никогда. Своей гладкой кожей и беззащитным видом культя напоминала ей пенис – Лу Энн всегда казалось, что он странно смотрится на теле мужчины. Когда Анхелю выдали протез, она сначала восхитилась тем, как ладно он скроен, а потом вовсе уже о нем и не думала. Протез лежал на полу с его стороны кровати точно так же, как с ее стороны лежал, свернувшись клубочком, их кот Снежок. Анхелю понадобилось некоторое время, чтобы привыкнуть к своей новой ноге, но постепенно он выучился обходиться с нею почти без проблем. Ну, разве что не мог носить свои ковбойские сапоги – по какой-то причине шарниры на стопе протеза были недостаточно гибкими, чтобы влезть в голенище. С другой стороны, Анхель уже давно не был ковбоем – так что Лу Энн вообще не понимала, почему этот несчастный случай должен хоть как-то изменить его привычную жизнь.

К той пятнице, когда Анхель ушел от жены, он уже давно работал на прежнем месте. Вряд ли он намеренно подгадал сделать это на Хэллоуин. Скорее всего, важнее было то, что по пятницам ему выдавали зарплату. Лу Энн, конечно, такие соображения в голову не приходили, ведь она понятия не имела, что именно в этот день муж решит ее бросить.

Она сидела в приемной доктора Пелиновского, ожидая, когда ее позвонят в смотровую – шел седьмой месяц беременности. На коленях, полускрытых животом, у нее лежал журнал, но она смотрела не в него, а на большой настенный календарь, где уместились все месяцы. Она волновалась по поводу своих сроков и дня рождения ребенка. Рождество с момента аварии стало для Лу Энн и Анхеля непростым днем, и они почти вовсе перестали его отмечать. Если родить именно тогда, то день рождения ребенка будет ежегодным напоминанием об аварии. Кроме того, Лу Энн вычитала в «Макколс», журнале для женщин, что дети, которых рожают в Рождество, чувствуют себя обманутыми, потому что лишены своего, и только своего, собственного дня. Хотя рожать на следующий день, когда всем уже надоело праздновать, было бы еще хуже. Она решила спросить у доктора, нет ли способа сделать так, чтобы ребенок появился до Рождества, хотя понимала, что таких способов просто не бывает.

Медсестры, работавшие на доктора Пелиновского, похоже, любили своего босса, и ласково называли его по первой букве фамилии, «доктором Пи», что было особенно забавно, поскольку он имел дело с беременными, а беременность определяется, как известно, когда женщина сдает в лабораторию первый анализ «пи-пи». И Лу Энн всегда сдерживалась, чтобы не рассмеяться, когда сестры по переговорному устройству громко вызвали ее врача: «доктор Пи, доктор Пи!»

Вышла сестра в лиловом медицинском костюме, со светлыми волосами, которые, казалось, хрустели от лака. Сестра произнесла «миссис Энджел Руис», и Лу Энн вспомнила, как ее муж возмущался по поводу того, как эти «англос» произносили его имя, и всегда их поправлял: не «Энджел», говорил он, а «Анхель».

– Я им не чертова бейсбольная команда!

Но Лу Энн сама никого и никогда не поправляла. Зато ее мать, миссис Логан, до сих пор неправильно выговаривала и имя, и фамилию ее мужа, говорила – не «Руис», а что-то вроде *Руинс*. Она вообще не хотела, чтобы Лу Энн выходила за Анхеля, но не по той причине, по которой брак, в конечном счете, распался. Миссис Логан не нравилось, что муж ее дочери был мексиканцем, хотя самой Лу Энн это было абсолютно безразлично. В Тусоне, пыталась объяснить она матери, так много мексиканцев, что их тут держат за своих. Мексиканцы работают врачами, банковскими клерками, ведущими на телевидении – и даже владеют отелями.

– Они тут едят в самых лучших ресторанах, – говорила Лу Энн матери.

Но миссис Логан, которая всю жизнь прожила в западном Кентукки и никогда не видела мексиканцев, думала, что ее дочь все это выдумывает.

Осматривая Лу Энн, доктор Пелиновский вновь предупредил, что она слишком прибавила в весе. Поначалу он думал, что у нее двойня, но теперь они уже знали наверняка, что ребенок один. На этот раз его предостережения стали более суровы. Лу Энн, которая до беременности всегда была слишком тощей, если верить диаграмме на стене докторского кабинета, не могла себе представить, что не вернется в свою обычную форму, когда все это закончится. Правда, она должна была признать, что из-за ребенка ей хотелось есть почти постоянно. Она пожаловалась доктору, что трудно удержаться от еды, когда все время стоишь на кухне и кому-нибудь готовишь. Доктор предложил ей посадить на диету и мужа.

Это он так пошутил.

Когда Лу Энн покидала клинику, медсестра протянула ей брошюру с описанием необходимой в ее случае диеты – на английском и испанском. Лу Энн подумала – а не попросить ли второй экземпляр, чтобы послать матери. После четырех лет брака она все еще пыталась убедить мать, что к мексиканцам та относится с предубеждением, а потому отправляла ей вырезки из газет, где говорилось, например, что в такой-то компании на должность вице-президента назначили мексиканца или еще что-нибудь в этом роде. Хотя, подумала Лу Энн, брошюра про диету – это из другой оперы. Миссис Логан и так уже понимала, что мексиканцы могут иметь детей, как и все остальные. Более того, она пыталась убедить дочь, что детей у них, по слухам, слишком много, потому что они пытаются захватить мир, прямо как католики.

Лу Энн пока не сообщила матери, что ребенка, когда он родится, окрестят как католика. Они с Анхелем хотели сделать это ради его матери, которая постоянно уверяла всех, что вот-вот умрет, и называла тому огромное количество причин. Единственные английские слова, которые она знала, были названиями болезней. Лу Энн приняла такое решение из чисто практических соображений: если уж одна из двух бабушек младенца все равно разозлится, пусть это будет та, что осталась за две тысячи миль, а не та, что живет на противоположном конце города.

Дождаясь своего автобуса, Лу Энн пробежалась по страницам брошюры. На ее титульном листе, как и в случаях с любой другой печатной продукцией такого рода, была помещена фотография женщины с ребенком. Иногда эти женщины были белыми, иногда темнокожими, а иногда там изображались мексиканки. Всегда матери с младенцами, которых они держали на руках, и никогда – женщины на сносях. Почему? Лу Энн это было не совсем понятно – ведь брошюры были посвящены дородовому уходу.

Уже в автобусе она пришла к выводу, что так происходит оттого, что эти брошюры пишут и печатают мужчины, которым больше нравится образ матери с ребенком на руках, чем образ беременной женщины. В этом она почти не сомневалась. Например, в автобусе несколько мужчин встали, чтобы уступить ей место, но ни один толком на нее не посмотрел. Подростки из старших классов не пытались прижаться к ней на поворотах или резких остановках и не отпускали по ее поводу никаких замечаний. Это было для Лу Энн новинку – сидеть и, полностью расслабившись, отдыхать в битком набитом автобусе. Ей даже подумалось, что неплохо было бы, наверное, всю жизнь проходить беременной.

Она смотрела, как мимо автобуса проплывают дома и телефонные столбы. На некоторых столбах висели рекламные плакаты с изображением Тани Марии, молодой женщины в свободном свитере и на шпильках. Она была певица, и волос на одной ее голове с избытком хватило бы на две. На других столбах были наклеены темные плакаты с буквами, словно вырезанными из газет – так пишут письма с требованиями о выкупе. Но это тоже были объявления о концертах каких-то рок-групп с названиями типа «Звуковой хаос», «Бесполезный беспорядок» или «Мясные куклы». Лу Энн подумала: а не назвать ли ребенка Таней Марией? Хотя, наверное, Анхель высказался бы за Мясную Куклу. Так он представлял себе юмор.

Какое это наслаждение – ехать в автобусе, когда мужчины не трутся о тебя и не трогают! Покой, в котором пребывала Лу Энн, позволил ее мыслям улететь прочь, подальше от этого странного огромного тела. Когда ей было от роду девять лет, дедушка Ормсби подарил ей складной нож и сказал, что в целях безопасности, когда она будет пользоваться ножом, она должна очерчивать вокруг себя магический круг. И вот она, бывало, придет на задний двор позади их дома и, начертив на земле этот самый круг, устроится внутри, часами строгающая большие коричневые куски мыла. Тот нож она давно потеряла, но теперь ей казалось, что она вдруг снова очутилась в этом магическом круге.

Лу Энн вышла на остановке Рузвельт-парк, от которой до самого парка нужно было прошагать полквартала. На углу, у парка, располагалась автомастерская под вывеской «Иисус, наш Господь. Подержанные покрышки». Ошибиться тут было невозможно – надпись была исполнена большими узкими синими буквами с точками между словами: *Иисус. наш. Господь. Подержанные. покрышки.* На стене, покрытой гофрированной жстью, был нарисован и сам Иисус – большая фигура с распростертыми руками и сиянием, исходившим от головы. Там же была изображена шина с белым ободом, добавленная к росписи без всякой задней мысли и, вероятно, по замыслу автора, не имевшая никакой связи с Иисусом. Но шина оказалась как раз под левой рукой Спасителя, словно игрушка «йо-йо», и казалось, что Иисус сейчас исполнит с ее помощью либо «кругосветку», либо еще какой-нибудь замысловатый трюк.

Штабеля тяжелых шин разных фирм громоздились между этим заведением и соседним, которое представляло собой комбинацию ночного клуба и порно-магазина и называлось «Небесные киски». Ошибки не могло быть и по поводу этого местечка. Его окна были выбелены, а большие вывески над фасадом слева и справа от двери гласили: «*Девочки. Девочки. Девочки*» и «*Полная Обнаженка!*» На самой же двери «Небесных кисок» была изображена в полный рост рыжеволосая женщина в леопардовом бикини. Народное искусство разных стилей было популярно в этом квартале.

Лу Энн почти каждый день проходила мимо этих заведений. Первое из них – то, на стене которого был изображен Иисус, – почему-то напоминало ей о Кентукки, и ей даже хотелось спросить людей, которые там работали, не земляки ли они. Правда, смелости на это у нее так и не хватило. Что касается ночного клуба, то его она старалась просто не замечать, хотя в изображении на дверях этого заведения было одновременно и нечто примитивное, и нечто невинное, словно даму в леопардовом бикини рисовал школьник, хотя он и расположил ее на двери таким образом, что дверная ручка, когда входящий толкал ее, тонула у дамы в промежности. От вида этой двери у Лу Энн всегда бежали мурашки.

Зайдя за угол, она вошла в дверь магазинчика Ли Синг, который фасадом выходил на парк прямо напротив дома, где жили Лу Энн и Анхель. Здесь она купила почти все из того, что рекомендовала брошюра, за исключением пары-тройки вещей вроде йогурта, который был уж слишком дорогим. А еще она купила упаковку миндального печенья, потому что его любил Анхель.

За кассой сидела китайка, собственно, сама Ли Синг. Ее мать, которой, как говорили, было больше ста лет, жила вместе с нею в комнатах позади магазина. Ли Синг сообщила Лу Энн, что у той будет девочка.

– Высоко лежит, – сказала она, похлопав костистой рукой по животу Лу Энн. Китайка говорила это каждый раз, когда Лу Энн приходила в ее магазинчик.

– Мальчик, девочка – хорошо и то, и другое, – сказала Лу Энн, которой, впрочем, было немного любопытно, окажется ли Ли Синг права.

Звякнув рычагом кассы, Ли Синг покачала головой и что-то пробормотала. Лу Энн показалось, что та упомянула какого-то новогоднего поросенка.

– Прошу прощения! Что? – Лу Энн всегда немного побаивалась китайки, которая нередко говорила всякие странности.

– Кормить девочку – это все равно что кормить к Новому году соседского поросенка, – сказала Ли Синг. – Всё уйдет в другую семью.

Лу Энн была готова обидеться, но не знала, как ответить. Да, ее саму занесло далеко от семьи, которую она оставила в Кентукки, но вины ее в том не было. С другой стороны, ее брат тоже жил не слишком близко к родительскому дому. Он уехал на Аляску работать на тамошнем нефтепроводе и женился на канадке, дрессировщице собак. Теперь у них было уже четыре дочери с эскимосскими именами, которые Лу Энн отчаялась запомнить: там было что-то, похожее на Чинук и на Виннебаго...

На улице тем временем начинало темнеть. Лу Энн торопливо пересекла парк, держась подальше от старой решетчатой беседки, где обычно собирались бродяги. Как и всегда, она изо всех сил старалась не бояться – Анхель говорил, что некоторые люди, как собаки, нюхом чувствуют чужой страх.

Когда она вернулась домой, то оказалось, что Анхель уже приходил с работы, а потом снова ушел, причем – навсегда. Лу Энн сперва показалось, что их ограбили, но затем, когда она увидела, каких вещей нет, она все поняла. Она ходила по дому, не выпуская из рук пакеты с покупками, и рассматривала полупустые комнаты. За четыре года их с Анхелем жизни почти все вещи, кроме одежды, стали казаться ей общими. Ей вдруг показалось до странности интересным посмотреть, что он взял, считая своим, а что оставил. Это рассказало ей гораздо больше о его личности, чем то, что она узнала о нем за все четыре года их брака.

Он оставил простыни и одеяла, оставил стоящие то тут, то там безделушки, оставил все, что было на кухне, за исключением набора из трех пивных кружек. Забрал с полки несколько старых журналов и детективов в бумажных обложках. Лу Энн было не очень жалко утраченных книжек. Ее больше уязвили уродливые пробелы, возникшие на полках – они зияли, словно выданные зубы, и в эти дырки клонились, заполняя пустоты, соседние книги.

Из спальни пропала фотография самого Анхеля, сделанная во время родео 1978 года, где он сидел на быке по кличке С.С., которого считали самым свирепым быком за всю историю родео. В том году только одному ездоку удалось усидеть на этом быке восемь секунд, но этим ездоком был не Анхель. Когда они делали это фото, быка уже накачали фенциклидином – организаторы родео используют этот наркотик, когда перевозят своих быков и лошадей с места на место, и его у них – пруд пруди. Во время родео Анхель отзывался на кличку «Пыльный». Пыльный Анхель – как «ангельская пыль»¹.

Еще он забрал одно чистое полотенце, единственный тюбик зубной пасты и телевизор.

Лу Энн совершенно забыла про Хэллоуин и была немало удивлена, когда в дверь постучали, и у порога она увидела толпу детей. Ее немного напугали бегающие темные зрачки в отверстиях ярких пластиковых масок. Это были соседские дети, но кто из них кто Лу Энн сразу сказать не могла. Чтобы успокоиться, она принялась с ними разговаривать, пытаясь угадать, кто из них девочка, а кто – мальчик. Она правильно определила Принцессу, Ведьму с зеленым лицом, Франкенштейна и Невероятного Халка (тоже зеленого). А вот с Инопланетянином промахнулась.

---

¹ Ангельская пыль – разговорное название фенциклидина. – *Примеч. пер.*

Только теперь она вспомнила, зачем ей нужно было зайти в магазинчик Ли Синг – дома не было ни одной конфетки, чтобы дать детям, приходящим на Хэллоуин. Она уж подумала одарить их фруктами или миндальным печеньем, но это была бы пустая трата денег. Матери этих детей наверняка прошерстят их сумки и все подобное выбросят, опасаясь цианида и бритвенных лезвий – по телевизору предупреждали, что все подарки должны быть в запечатанной оригинальной упаковке.

Видно было, что дети сочувствуют Лу Энн, но терпение у них на исходе. По их мнению, взрослым следовало подготовиться заранее.

– Лучше уж дайте нам что-нибудь, миссис Руис, – неуверенно проговорил Инопланетянин, – а то мы намылим вам все окна.

Придется, видно, распотрошить копилку с Микки Маусом, в которую она складывала пенни, чтобы купить стиральную машину для пеленок. Анхель, правда, смеялся, что к моменту, когда она насобирает в копилку достаточно монеток, машинку нужно будет покупать уже не для детей, а для внуков.

Детям понравились монетки, и они растворились в темноте. Лу Энн оставила Микки Мауса возле дверей, чтобы в следующий раз далеко не ходить.

К одиннадцати вечера она почувствовала, что собственные ноги ее убивают. В лодыжках пульсировало. Все последние три-четыре недели ступни опухали так, что носить она могла лишь одну пару туфель, с ремешком на лодыжке. И теперь Лу Энн должна была лечь в постель прямо в них, потому что согнуться, чтобы расстегнуть пряжки на ремешках, она не сможет, а Анхеля, который раньше делал это, рядом не было. Если бы она была сообразительней, то попросила бы помочь ей последнюю стайку ряженных, но теперь возможность была упущена.

Собираясь укладываться, Лу Энн вдруг увидела себя в зеркале и содрогнулась – настолько отвратительным ей показалось собственное отражение. Какая-то порнография: ночная рубашка, колготки и туфли с ремешком; впору отправляться на работу к небесным кискам! Хотя, уж конечно, беременных они не берут. И все-таки Лу Энн расстроилась. Выключив свет, она продолжала прислушиваться – вдруг явится какая-нибудь запоздавшая компания детей, а то и Анхель передумает и вернется домой. В ухе, которое было прижато к подушке, она слышала пульсацию крови, которую сердце гнало к ногам. Это напомнило ей океанский прибой, которым они однажды любовались вместе с Анхелем, когда ездили в Мексику. Ребенок принялся толкаться и ткнул ее изнутри чем-то, похожим на пальцы, но на самом деле, наверное, либо локотками, либо ножками. Лу Энн представила себе, как ребенок играет в волнах крови на темном гладком побережье ее внутренних органов. Ноги болели, и она никак не могла поудобнее устроиться в постели.

Наконец, уже ночью, она принялась плакать и плакала до тех пор, пока, казалось, не выплакала все глаза. Она вспомнила, как на пляже морская вода попала ей в глаза – их тогда жгло точно так же. Энджел ее предупреждал, что надо держать глаза закрытыми, но ей хотелось видеть, куда она идет. Никогда же не знаешь, что там кроется в глубине.

3. Иисус, наш Господь. Подержанные покрывки

На восходе мы пересекли границу штата Аризона. Жирные розовые облака, похожие на веселых балерин-гиппопотамов из диснеевского мультлика, неторопливо плыли над дорогой. По пути нам попало местечко, называемое Техасским Каньоном. Ничего техасского, слава небесам, в этом местечке не было, но выглядело оно так, что... что мне и сравнить не с чем. Представьте себе лес, но вместо деревьев в этом лесу – округлые камни, формой напоминающие пухлых людей и животных. А некоторые камни громоздятся друг на друга, словно картофельные жучки, занимающиеся любовью. Стоит солнечному лучу упасть на них, как они загораются розовым, и все это выглядит так смешно, что кажется ненастоящим. Мы пронесли мимо придорожного знака, на котором я разглядела динозавра, но не заметила, что там говорится – может, написано что-нибудь про камни, а может, вообще, что это окаменевшее дерьмо, оставленное динозаврами.

– Нет, это уж слишком! – сказала я, умирая от хохота, сидящей сзади индейской девочке. – Сто лет не видела ничего смешнее!

Сломается здесь моя машина или нет – неважно, я решила осесть в Аризоне.

Шел второй день нового года. В «Сломанной стреле» я прожила почти все рождественские каникулы и даже денег заработала, меняя в номерах постельное белье. Так решила та пожилая женщина с трясущимися руками, которую звали миссис Ходж – им нужна была дополнительная помощь на время наплыва гостей. Рождество все-таки, и путешественников прибавилось, а у невестки ноги больные. Что неудивительно – какие человеческие ноги способны таскать на себе двести пятьдесят фунтов? Если бы нам полагалось столько весить, у нас были бы огромные круглые лодыжки, как у слона или гиппопотама.

Во время рождественских праздников через мотель прошло немало людей, которым требовалось добраться куда-нибудь по ту или другую сторону Оклахомы. Как мне хотелось двинуться вслед за ними! Но, с другой стороны, я была рада заработать немного «зелени» перед тем, как ехать дальше. Как мне показалось, скрытым мотивом, которым миссис Ходж руководствовалась, пытаясь задержать меня подольше, был ребенок, с которым она возилась с утра до вечера. Было очевидно, что иметь внуков – ее заветная мечта. Стоило ее толстой невестке Ирэн взять девочку на руки (что случалось не слишком часто), как она восклицала:

– Ты не представляешь, Ирэн, как хорошо вы смотрите!

Как будто женщины должны становиться матерями только потому, что хорошо смотрятся с ребенком.

К этому моменту я уже придумала девочке имя, по крайней мере, временное. Я стала звать ее Черепашкой, из-за ее крепкой хватки. Черепашка все еще не разговаривала, но знала свое имя так, как его знает кошка, которая поднимает взгляд, услышав свою кличку. Если, конечно, ей захочется. Миссис Ходж всеми способами пыталась убедить меня, что Черепашка – отсталая, что у нее замедленное развитие, но я не соглашалась – просто она все делает по-своему и не нужно ее ни к чему принуждать. Ее и так уже достаточно принуждали за ее короткую жизнь. Понятно, что об этом я ничего не сказала ни миссис Ходж, ни ее невестке.

Как же классно было вновь оказаться на дороге! Особенно – в Аризоне. В Оклахоме все было настолько плоское, что уже глаза болели. Клянусь, я не вру. Там, чтобы разглядеть горизонт, нужно было пялиться слишком далеко.

Когда на пути показался Тусон, стало ясно, что несли в себе эти смешные розовые облака – град. За каких-то пять минут лед покрыл машину и снаружи, и внутри, и ехать стало почти невозможно. Движение замедлилось так, будто впереди был пост, где проверяли документы. Я свернула с шоссе на боковую дорогу и остановилась у бетонного сооружения на оранжевых столбах, которое напоминало шляпу Летящей монахини из телесериала. Наверное, когда-то

это была бензозаправка, но бензонасосы давно увезли, а одноэтажное здание позади заправки было заброшено. Кто-то поработал здесь красным баллончиком: все стены и заколоченные окна были покрыты изображениями хвостатых улыбающихся сперматозоидов и надписями вроде «Верят только дураки».

Руки мои замерзли, и я принялась растирать их о колени. Вдруг прогремел гром, хотя молнии я не видела. Наверное, это нас приветствовали все иловые черепашки Аризоны. Интересно, они здесь вообще есть? Один старик, у которого в доме убиралась моя мама, говорил: если в январе гремит гром, жди в июле снега. Вряд ли он бывал в Аризоне. Или все-таки бывал?

Мы вышли из машины и, чтобы не промокнуть, укрылись под бетонными крыльями шляпы Летающей монахини. Черепашка с любопытством смотрела по сторонам, разглядывая окрестности, и это было необычно; раньше она проявляла интерес лишь к тому, каким оригинальным способом я завожу машину.

– Это чужая земля! – сказала я ей. – Аризона. Ты знаешь о ней столько же, сколько и я. Здесь мы с тобой два сапога пара.

Град превратился в дождь и не унимался целых полчаса. Тем временем из здания с заколоченными окнами вышел какой-то парень и встал неподалеку от нас, прислонившись к оранжевому столбу. Неужели он здесь живет (а если живет, то не он ли нарисовал на стенах сперматозоидов)? На нем были камуфляжные армейские брюки и черная бейсболка с отворотами, прикрывавшими шею – как у Грегори Пека (или у кого-то еще, не помню) в старых фильмах об иностранном легионе. На футболке красовалась надпись: «Гость с другой планеты».

Это я – гость с другой планеты, подумалось мне. Это мне надо бы носить такую футболку.

– Не местная, а? – спросил парень через некоторое время, разглядывая мою машину.

– Отчего же, – ответила я. – Просто каждое лето еду в Кентукки номера получать. – Не понравился мне этот тип.

Он закурил.

– И сколько ты отдала за это ведро болтов?

– Сколько попросили.

– Дерзкая, что ли?

– Угадал, приятель.

Отвечая, я про себя молила Господа, чтобы позже мне не пришлось выставять себя на посмешище, заводя машину с толкача у него на глазах.

Не успел град закончиться, как на небе показалось солнце. Над горами, громоздившись за городом, повисла радуга, а над ней – еще одна, с перевернутыми цветами. Небо между этими двумя радугами было гораздо ярче, чем в других местах, как будто там был экран, и кто-то подсвечивал его сзади. Через несколько минут стало жарко. На мне был большой красный свитер, и я почувствовала, что начинаю потеть. В Аризоне все немного чересчур. Если бы она была не штатом, а кинофильмом, вы бы в него не поверили – сказали бы, слишком шаблонный.

Я понимала, что лучше немного постоять и дать двигателю просохнуть. Парень все еще торчал рядом, покуривая и действуя мне на нервы.

– Поберегись! – вдруг предупредил он, показав на волосатого паука величиной с козленка, который полз по асфальту. Ноги его подергивались – совсем как у резиновых игрушечных пауков, которых вытаскивают из игровых автоматов.

– Видала и пострашнее, – сказала я, хотя, по правде говоря, ничего подобного в своей жизни не встречала. Казалось, он вылез из фильма ужасов.

– Тарантул, – продолжил парень. – С ним поосторожнее. Этот ублюдок может прыгнуть на четыре фута. Если укусит, сойдешь с ума. Такой уж у него яд, особый.

Конечно, я ему не поверила. Никогда не понимала, почему мужчины, пытаясь произвести на женщин впечатление, всегда убеждают их в том, что этот мир – опаснейшее из мест. Мы же с ними в одном мире живем, верно?

– И чего он приперся? – произнесла я. – Он что, твой питомец или твоя подружка?

– Не-а, – усмехнулся парень, придавив башмаком сигарету, и я решила, что он не столько опасен, сколько глуповат.

На бетон между тем выползали другие существа. Целая толпа муравьев выбралась из щели и принялась бродить вокруг окурка, по непонятным мне причинам пытаюсь разодрать его на части. Может быть, их королева любит жевать табак, и ее рабы хотят по частям перенести в ее покои табачные крошки, привезенные, должно быть, на каком-нибудь грузовике аж из Кентукки, с фермы Хардбина, Ричли или Биддла. Никогда не знаешь, какая штука где окончит свои дни.

– В последнее время много дождей, – сказал парень. – Когда земля переполнена водой, вся эта мелюзга начинает тонуть в своих норах и выползает наверх просушиться.

Он протянул ногу и раздавил подошвой большого блестящего жука с рогами. Расплющенный жук раскинул крылья, между которыми прыснуло что-то белесое. Жук был из тех, по которым не угадаешь, что у них есть крылья, хотя по опыту я знала – крылья есть у большинства насекомых, кроме, понятное дело, пауков.

Парень зажег очередную сигарету и бросил непогашенную спичку в тарантула, промахнувшись на пару дюймов. Словно испуганная леди в старом кино, паук резко вскинул навстречу пламени две передние лапы.

– Ладно, – сказала я. – У меня дела. Пока!

Я посадила Черепашку в машину, зашла со стороны водителя и, поставив на нейтралку, принялась толкать.

Парень рассмеялся.

– Это у тебя машина или скейтборд? – спросил он сквозь смех.

– Слушай, весельчак! Ты можешь меня подтолкнуть, а можешь просто стоять и ржать, но я все равно уеду. Эта машина привезла меня из Кентукки и запросто может пролететь еще несколько тысяч.

– Только не на этих колесах, – сказал он.

Я оглянулась и посмотрела на левое заднее колесо. Шина на нем лопнула и болталась на ободе.

– Черт! – прошептала я сквозь зубы.

Но «фольксваген» уже завелся и поехал вперед. Через зеркало заднего вида я увидела выездную эстакаду, на которой поблескивало зеленое разбитое стекло – словно рябь на озере в ветреную погоду.

Конечно, я и не собиралась просить этого тупицу о помощи. С шиной все было ясно – она отдала концы, так что несколько кварталов я на ней все же проехала – мимо банка, ряда домов и парка с пальмами и пожухлой травой. Несколько мужчин, обернув вокруг пояса одеяла, что-то выискивали в земле – вероятно, жуков давили. Сразу же за парком я увидела стопку покрышек.

– Да ты только посмотри! – воскликнула я. – Да мы с тобой два везунчика! Нужно было ехать в Лас-Вегас, а не сюда.

Сложенные в стопку шины образовали нечто вроде стены по обоим краям площадки на углу двух улиц. Там стояла и орудовала шлангом, из которого вырывался сжатый воздух, пожилая женщина – сдувала с тротуара жучков, муравьев и прочих мелких насекомых, вылезших из всех щелей. На ней были голубые джинсы и ковбойские сапоги, а из-под красной банданы на спину свисала длинная седая коса.

– Привет! – сказала я.

На стене была намалевана вывеска: «Иисус, наш Господь. Подержанные покрышки». Помнится, я как-то собиралась звонить 1–800-Господу-нашему, просто чтобы проверить, кто возьмет трубку. Может быть, как раз сюда я бы и дозвонилась.

– Привет, моя хорошая! – отозвалась женщина. – Эти жуки страшно достают меня. Лезут толпами после каждого дождя! Но не стану же я их давить. У них тоже только одна жизнь, как и у нас. Пусть живут!

– Я вас понимаю, – отозвалась я.

– Ох, бедняжка моя! Похоже, у тебя спустила парочка колес.

Оказалось, что так и есть. Заднего правого колеса я не заметила.

– Заезжай на большой подъемник, – сказала женщина. – Снимем колеса, посмотрим, что и как, и вылечим твоего малыша.

Я спросила, может ли Черепашка заехать со мной, но женщина отрицательно покачала головой – это опасно! Поэтому я достала Черепашку из машины и поискала глазами, где бы ее усадить. От такого количества шин мне стало не по себе. Я инстинктивно проверила, на что меня может забросить, если какая-нибудь из шин вдруг лопнет. Но нет, наверху было лишь чистое синее небо.

В стороне лежали пустые обода и покрышки. Здесь уж точно ничего не лопнет, решила я, и посадила Черепашку туда.

– Как зовут твою девочку? – спросила женщина. Я ответила, а она даже не моргнула глазом. Обычно люди, услышав мой ответ, либо смущаются, либо начинают читать мне лекцию.

Женщину звали Мэтти.

– Какая милашка! – сказала Мэтти.

– А почему вы решили, что она девочка?

Я не огрызалась – мне было просто любопытно. Я ведь не одевала ее в розовые платица.

– Что-то есть в лице такое...

Мы подкатили колеса к большому баку с водой. Мэтти намылила протекторы, а потом опустила шины в бак – так, словно опускала в кипящее масло пончики. Тоненькие нити пузырьков потянулись к поверхности, будто нитки жемчуга. Ниток было много, прямо целая ювелирная лавка.

– Мне очень жаль, моя хорошая, – сказала Мэтти, – но шины твои никуда не годятся. Все в дырках. И заплатки не положишь.

В голосе ее звучала озабоченность.

– Видишь вот эти места?

Мэтти провела ладонью по ребру погруженного в воду колеса.

– Они насквозь прорезаны.

На пальце у нее матово блестело обручальное кольцо, практически вросшее в плоть – так бывает у пожилых женщин, которые, однажды надев кольцо, уже никогда его не снимают.

– Мне очень жаль, – повторила Мэтти, и по ее тону было понятно – ей действительно жаль. – В шести кварталах отсюда есть другая мастерская. Если хочешь, можешь у них проверить, чтоб тебе подтвердили.

– Ну что вы! – отозвалась я. – Я вам верю.

Черепашка тем временем, сидя на старых покрышках, хлопала ладошкой по стене. Другой ручкой она держалась за штуковину на шине, куда вставляют шланг насоса. Я попыталась сообразить, что же нам теперь делать.

– И во что мне обойдутся новые шины с покрышками?

Мэтти, подумав и посчитав, ответила:

– Могу поставить пару восстановленных протекторов с гарантией на пять тысяч миль. Плюс балансировка. Итого – шестьдесят пять долларов.

– Я должна подумать, – сказала я.

Мэтти была доброжелательна, и мне не хотелось сразу признаваться, что я не потяну новые шины.

– Утро слишком раннее для плохих новостей, – сказала Мэтти. – Я только что сварила кофе. Не хочешь чашечку? Пойдем, посидим.

– Ладно, – отозвалась я и, подхватив Черепашку, отправилась вслед за хозяйкой внутрь помещения. Здание было двухэтажное, и позади гаража находилось пространство, где стоял умывальник, несколько полок, голубые складные стулья и металлический стол, на котором стояла кофеварка фирмы «Мистер Кофе». Я подтащила к стульям еще одну сдутую шину и усадила Черепашку рядом с нами. Хорошо, что мы ушли подальше от той стены шин, каждая из которых запросто могла в любую минуту лопнуть! Вообще, торчать тут – это все равно, что жить в доме, сложенном из бомб. Даже звук воздуха, вырывающегося из шланга, нервировал меня до дрожи.

– Как удобно, – проговорила я, стараясь казаться веселой и беззаботной. – Я даже знаю, куда мне приспособить две свои спущенные шины.

– У меня есть крекеры с арахисовым маслом, – сказала Мэтти и, кивнув в сторону Черепашки, спросила:

– Будет?

– Она ест все, – ответила я. – Только не давайте ей в руки то, с чем не хотите расстаться. Например, свою косу.

Коса Мэтти и вправду оказалась в зоне повышенной опасности.

Хозяйка налила кофе в кружку с надписью «БИЛЛ с большой буквы Б» и протянула мне. Себе же она взяла кружку с изображением множества мультяшных кроликов, которые громоздились друг на друга, как камни в Техасском каньоне. Только через пару минут до меня дошло, что кролики занимались сексом в самых разнообразных позах. Странная женщина. Одно совершенно точно – я попала не к «1-800-Господу-нашему».

– Ты ведь издалека приехала, верно? – сказала она. – У тебя номера Кентукки. Точнее – номер. У вас там, кажется можно иметь только один номер?

– Да, только сзади.

– А здесь нужно номера и спереди тоже. Наверное, чтоб копы с любой стороны могли опознать.

Она протянула Черепашке крекер с арахисовым маслом, в который та вцепилась обеими ручонками так яростно, что тот развалился на маленькие кусочки. Глаза у Черепашки сделались такими большими и печальными, что я подумала – она сейчас заплачет.

– Все хорошо, детка, – сказала Мэтти. – Положи его в рот, а я дам тебе другой.

Черепашка так и сделала. Удивительно! На миссис Ходж она так не реагировала. Да, Мэтти умела обращаться с детьми.

– Значит, ты путешествуешь, – обратилась Мэтти ко мне.

– Да. Еду из Кентукки, какое-то время пожила в Оклахоме. Мы в поиске. Посмотрим, насколько нам понравится в Тусоне.

– Понравится! – проговорила Мэтти. – Уж я-то знаю, я ведь прожила здесь всю жизнь. Таких старожиллов тут мало осталось. Здесь много пришлых. Практически все, кого я знаю, не местные. Мой муж, Сэмюэль, был из Теннесси. Он приехал еще молодым, из-за своей астмы, но так и не привык к здешней суши. А мне нравится, я привыкла. Что еще нужно? К чему привык, то и хорошо.

– Согласна, – кивнула я.

Я страшно хотела узнать, почему у мастерской Мэтти такое странное название, но не могла найти слов вежливее, чтобы не обидеть хозяйку.

Наконец я спросила:

– А ваша мастерская входит в какую-то сеть?

Это прозвучало вежливо, но глуповато.

Мэтти рассмеялась.

– Нет, мы сами открыли ее с мужем. Его отец был механиком. Сэм родился и вырос среди запчастей. Это он придумал название для мастерской. Можно сказать, он был фанатиком, благослови Бог его душу.

Она протянула Черепашке еще один крекер. Та ела так, словно голодала неделю.

– Фасад ему покрасили какие-то мексиканцы. И я уже ничего не меняла. Наш фасад особенный, его не спутаешь ни с каким другим. Люди останавливаются просто из любопытства. Твоя малышка не хочет сока? Запить арахисовое масло?

– О, не беспокойтесь! Я дам ей воды из-под крана.

– Все-таки сбегая за соком. Одну секунду!

Я думала, Мэтти собралась в магазин, но она исчезла за дверью в дальней стене мастерской, где, вероятно, были и другие помещения. Там же, наверное, стоял холодильник с соком. Может, она и жила тут – например, на втором этаже.

Пока Мэтти отсутствовала, у мастерской появились двое мужчин – почти одновременно, хотя приехали не вместе. Первый спросил Матильду – ему нужно было сделать центровку колес и подобрать покрышки для своего кроссовера. Он заявил это таким тоном, будто все на свете знают, что такое кроссовер и у каждого дома найдется хотя бы парочка. На втором мужчине была черная рубашка с белым воротником, как у священника, и синие джинсы. Ну и сочетание. Наверное, подумала я, он еще только тренируется быть священником. Хотя кто их знает, как у них принято – в Питтмэне католиков не было.

– Она отошла на минутку, сейчас вернется, – сказала я.

Парень с кроссовером остался подождать, священник же решил вернуться попозже. Он явно торопился, и, когда он отъезжал, я заметила, что на заднее сиденье его универсала набилась целая семья; похоже – индейцы.

– Как твои дела, Роджер? – обратилась к визитеру вернувшаяся Мэтти, а мне сказала:

– Чувствуй себя как дома, моя хорошая. Я быстро.

Она протянула мне оранжевую кружку с маленьким носиком – кружка, вероятно, была специально сделана для детей. Интересно, наливают в такие кружки тоже через носик? Как только Черепашка получила кружку, я поняла, что она ее уже никогда не отдаст.

Роджер заехал на платформу, рядом с которой стояло какое-то красное устройство с множеством кнопок и циферблатов. Мэтти включила его, отчего передние колеса машины завертелись, после чего заглянула под капот автомобиля и принялась что-то подкручивать. Все было сделано чисто и аккуратно. Никогда не видела, чтобы женщина так разбиралась в механике. Я даже испытала что-то вроде гордости. В Питтмэне, если бы женщине пришло в голову открыть мастерскую, ее мигом бы вышвырнули из бизнеса. Или ругали так, что у вас уши бы свернулись в трубочку.

– Если Иисус и правда наш Господь, – сказала я себе, – он никогда не позволит, чтобы эту замечательную женщину забросило куда-нибудь взорвавшейся шиной. И меня заодно с ней.

Мэтти с Роджером подошли к стене из покрышек и сбросили вниз парочку небольших, но пухлых. Покрышки шлепнулись на землю, отчего мы с Черепашкой подпрыгнули. Роджер взял одну и принялся постукивать ею о землю, словно это был баскетбольный мяч. Говоря с хозяйкой, он производил губами разные вибрирующие звуки, вероятно, объясняя Мэтти, что не так с его машиной. Мэтти слушала с интересом. Видно было, что она хорошо относится к Роджеру, хотя он был лыс, краснолиц и казался несколько высокомерным. Но она держалась с ним очень приветливо.

Когда Мэтти вернулась, Черепашка уже выпила свой сок и теперь постукивала кружкой о покрышку, явно требуя еще. Мне стало неловко.

– Хочешь еще сока, милая? – спросила Мэтти голосом, которым взрослые говорят с детьми. – Какая я умница, что принесла сюда всю бутылку!

– О, прошу вас, не нужно, – сказала я. – Мы и так засиделись. Я должна сказать вам всю правду. Я сейчас не смогу купить у вас даже одну шину, не то что две. По крайней мере, пока не найду работу и место, где жить.

Я подняла Черепашку, но та, явно давая понять, что хочет еще сока, принялась колотить мне чашкой по плечу.

– Не переживай, моя хорошая. – Я предложила не потому, что хотела тебе что-то продать. Мне показалось, что вам обоим нужно отдохнуть и прийти в себя с дороги.

Она взяла из рук Черепашки кружку и наполнила ее. Оказывается, на ней сверху была откидывающаяся крышечка. Я об этом и не подумала.

– У вас, наверное, есть внуки, – предположила я.

– Да, что-то вроде этого...

Она протянула кружку Черепашке, и та присосалась к ней, поквакивая, будто лягушонок.

Я спросила себя, как может быть «что-то вроде» внуков.

– У нас здесь так сухо, что детки быстро обезвоживаются, – сказала Мэтти. – Даже и не заметишь. Нужно за этим следить.

– Ясно, – кивнула я.

Мне подумалось: а какие еще опасности подстерегают ребенка, если за ним не уследить? Как же я с ней управлюсь? Не свалила ли я дурака, когда увезла Черепашку из штата, где обитают чероки – ее народ? Теперь она, пожалуй, закончит свою жизнь в Аризоне высохшей мумией.

– И какую же работу ты ищешь?

Мэтти сполоснула чашки и, перевернув, поставила на полку, над которой висел календарь с изображением индейца с голой грудью и женщиной на руках. На голове у мужчины красовались перья, вокруг бицепсов – золотые браслеты. Женщина выглядела мертвой или, может, была просто без сознания.

– Да любую, на самом деле, – сказала я. – У меня есть опыт уборки по дому, работы в рентген-кабинете, я обрабатывала анализы мочи, считала кровяные тельца, а еще собирала жучков на фасолевых грядках.

Мэтти рассмеялась:

– Необычное резюме!

– Да у меня вся жизнь такая необычная, – сказала я.

Было жарко. Черепашка то ли выплюнула, то ли пролила сок мне на плечо, и меня с каждой минутой все больше накрывало унынием.

– У вас здесь в округе, наверное, не растет фасоль, – проговорила я. – Это ограничивает мои карьерные возможности.

– Еще как растет, деточка моя! – возразила Мэтти. – Даже пурпурная. Ты видела когда-нибудь пурпурную фасоль?

– Не на грядках.

– Пойдем со мной, я тебе покажу.

Мы прошли сквозь дверь в заднюю часть дома, в комнату, заставленную мебелью и загроможденную вещами. Здесь стоял стол, на котором кипами лежали газеты; вдоль стен высились стопки старых журналов «Нэшнл джиографик» и «Популярная механика», а еще – нечто под названием «Светоч», где изображалось, как Иисус в длинных развевающихся одеждах шествовал по небу над морским маяком. Позади стола начиналась лестница на второй этаж, а рядом – дверь наружу, на задний дворик. Было слышно, как над головой кто-то мягко топает по полу.

Мы вышли из дома и оказались в чудесной стране цветов, овощей и кусков автомобилей. Кочаны капусты и пучки салата торчали из превращенных в круглые грядки старых шин, целый полуразрушенный «тандербёрд» без колес стал клумбой, и из его окон выглядывали цветущие настурции. Он напомнил мне горшок с толстянками, который мама поставила у нас

на крыльце. Сооружение, похожее на каркас вигвама, сделанное из старых антенн, все было перевито лозами, с которых свисали помидоры черри.

– Ты когда-нибудь видела помидоры в начале января? – спросила Мэтти.

Я отрицательно покачала головой. Нет, конечно, никогда не видела! Какие помидоры? Но это было лишь одно из здешних чудес. Задний дворик дома Мэтти выглядел как место, откуда машины, умерев, отправляются на небеса.

– Обычно у нас убойные заморозки на День Благодарения, но в этом году было тепло. Помидоры и фасоль выстояли. Вот, моя хорошая, возьми и откуси. Только целиком не глотай. И она протянула мне маленький помидорчик.

– Спасибо! – сказала я и только потом увидела, что Мэтти уже сунула один помидор Черепашке и предупреждение не глотать целиком относилось к ней.

– Утром град был, – напомнила я. – Мы чуть до смерти не замерзли.

– Вот как? И где?

– На шоссе, в пяти кварталах отсюда.

Мэтти посмотрела на свои посадки.

– Сюда он не добрался, – сказала она. – Здесь был только дождь. А град бы, конечно, помидоры побил. Иногда так бывает. А вот и фасоль, о которой я говорила.

И действительно, растущая неподалеку фасоль была на сто процентов пурпурной – стебли, листья, цветы и стручки.

– Ничего себе! – сказала я.

– Это мне дала соседка-китаянка. – Мэтти махнула рукой в сторону забора из гофрированного железа, который я до этого не заметила. Забор покрывали лозы, и на другой его стороне буйствовал такой же безумный сад-огород из лоскутных грядок. Правда, без кусков автомобилей. Заросли пурпурной фасоли уходили вдаль, цепляясь за все, за что можно было зацепиться.

– Они выросли из семян, которые она привезла с собой в девятьсот седьмом году, – сказала Мэтти. – Можешь себе представить? Все эти годы плодоносят одни и те же семена. И как разрослись!

Я сказала, что отлично это себе представляю. Мне прямо виделось, как фасоль марширует через Тихий океан, начав свой поход в каком-нибудь китайском огороде, и заканчивает его здесь, в Аризоне.

Жилище Мэтти было довольно уютным, но жить в Тусоне, в суеете городского центра, было все равно что жить в чужой стране, о которой никогда не слышал. Или в ином времени. Перевалив за границу часового пояса, я отвела часы на два часа назад, но одновременно каким-то образом попала в будущее.

Трудно объяснить, на что это похоже. Я училась в старших классах в семидесятые годы, но вы должны понять – в округе Питтмэн это с тем же успехом могли быть еще пятидесятые. Питтмэн отставал от остальной страны на двадцать лет почти во всех отношениях, за исключением уровня беременности среди несовершеннолетних. Например, мы самыми последними из всех округов страны стали пользоваться телефоном с наборным диском. До 1973 года вы просто поднимали трубку и говорили: «Мардж! Соедини меня с моим дядей Роско». Или кто вам еще там был нужен. Телефонистки сидели на третьем этаже здания суда; им было видно оттуда и главную улицу, и площадь, и банк, и аптеку, и офис доктора Финчлера. Они могли даже сказать вам, стоит его машина перед офисом или нет.

В Тусоне не было ничего подобного, здесь никто и ни за кем не присматривал. Приходилось искать в жизни свою собственную дорогу.

Мы с Черепашкой поселились в гостинице «Республика», которая брала понедельную плату и стояла от «Иисус, наш Господь» в двух шагах. Мэтти позволила оставить «фольксва-

ген» у нее. Это было очень любезно с ее стороны, хотя я и опасалась – а не вырастет ли в машине репа, если я не успею достаточно быстро поставить ее на ход.

Жизнь в «Республике» нисколько не напоминала «Сломанную стрелу», где единственным свидетельством того, что ты не умер, были постоянные перепалки между старой миссис Ходж и Ирэн. Жизнь кипела в центре Тусона: днем секретарши цокали высокими каблуками по тротуару, навстречу им важно шли банкиры и адвокаты с туго затянутыми галстуками; вечером на центральную улицу вываливались проститутки в таких прикидах, какие вам и не снились. Там была одна, которая носила мини-юбку, сделанную как будто из фольги для запекания, и каждый день – новые чулки: в сеточку, разных цветов, а на одних сзади по всей длине шли самые настоящие бантики. Звали ее Шерил.

В центре города были и другие обитатели, только жили они не в «Республике», а либо на автобусной остановке, либо просто на тротуаре, напротив принадлежавшего Красному кресту Центра плазмы крови. Эти люди спали прямо в одежде. Я знала, что, поселившись в «Республике», я поднялась лишь на несколько ступенек выше, чем эти люди, но я хотя бы спала в пижаме.

Была там еще одна группа людей. Они явно не были нищими, но одежду носили такую, какую приличные люди либо выбрасывали, либо кому-нибудь отдавали. Надевать такое в школу не стоило – лучше уж прийти голышом, чем в юбке-клеш с аппликацией или чем-то типа того. Такие люди стояли в очередях перед стойками буфетов и кофеен и, потирая друг другу загривки, говорили:

– У тебя здесь накопилось напряжение...

Как правило, эти люди жили не в центре – у них были студии и галереи в пустых заброшенных магазинах «Джей-Си-Пенни». На некоторых кирпичных фасадах даже старые вывески еще сохранились.

Поначалу я не имела ни малейшего представления о том, что происходит в этих зданиях. Мимо одного я проходила каждый день и видела там, в центральной витрине, две вещи, совершенно удивительные. Они походили на круглые бомбы в ящике с мокрым песком, причем, вся картинка была заморожена прямо посреди взрыва: ба-баааах! Наконец я уже не могла бороться с любопытством и вошла внутрь. Бояться было нечего – это же не какой-нибудь шикарный универмаг типа «Вулворта».

Внутри оказалось еще больше таких штук, причем одна из них была даже выше меня и похожа на куст, тоже из замороженного песка. На дальней стене висела еще одна такая штука, вырывающаяся из металлической рамы, а под ней какая-то женщина писала что-то на прикрепленной ниже карточке. На женщине были розовый свитер, белые гольфы, розовые туфли на высоком каблуке и обтягивающие брюки из шкуры розового шелкового леопарда. Она подошла к нам с блокнотом в руках, многозначительно глядя на хваткие черепашкины ручки, которые, я гарантирую, находились достаточно далеко от песчаных шуток.

– Какая замечательная штука! – проговорила я. – А что она означает?

– Это нерепрезентативная скульптура, – презрительно бросила девица, глядя на меня так, словно я была мокрицей, которую она случайно обнаружила в своей ванне.

– Простите, что не умерла на месте! – отозвалась я.

Она была моего возраста, не больше двадцати пяти, и я не понимала, с какой стати она так задирает нос. Мне вспомнилось, как мама учила: если кто-то из детей пытается показать, что он лучше меня, нужно сказать ему:

«Дуй-ка скорее в родные края,

Где на органе играет свинья!»

Бесформенный куст располагался на квадратной подставке, укрытой мешковиной, к которой была пришпилена маленькая карточка с надписью «Собака из Бисби. № 6».

Я не поняла, что это значит, но сделала вид, что удовлетворена:

– «Собака из Бисби номер шесть». Именно это я и хотела узнать.

Мы с Черепашкой прошли по галерее, рассматривая объекты, висевшие на стенах. Почти на всех карточках было слово «облегчение»: «Восходящее облегчение», «Эндогенное облегчение», «Движущее облегчение», «Гальваническое облегчение». Через некоторое время я заметила, что на каждой карточке были еще и цифры. Цифры вроде «400 долларов».

– Ну и ну, облегчиться можно, – сказала я Черепашке. – Эта называется «Моментальное облегчение». Видишь, тут таблетка «Алка-зельтцера», которая застыла, только начав растворяться.

В такие дни я начинала чувствовать, что потихоньку схожу с ума. Так бывает, когда все твои деньги уместаются в одном кармане и у тебя нет ни работы, ни перспектив. Здешние бедняки, как я поняла, за небольшие деньги в местном центре сдавали кровь на плазму, но я твердо провела красную линию.

– Кровь – это самый большой орган тела, – говаривал Эдди Рикеттс, а мне не хотелось торговать своими органами. Во всяком случае, пока жива. Я поинтересовалась в Центре плазмы насчет возможной работы, но тамошний начальник, одетый в белый халат и белые мокасины, спросил меня:

– А есть ли у вас лицензия лабораторной медсестры, выданная штатом Аризона?

Говорил он таким тоном, будто я была червяком, извивающимся на кончике иглы для забора крови. На этом вопросе все и закончилось.

В одном квартале от Центра плазмы крови располагалось заведение под названием «Бургер-Дерби». Молодежь, которая там работала, была одета в красные кепки, красно-белые полосатые рубашки и красные шорты, которые казались сделанными из пластика. Одна из тамошних девушек, у которой на груди висел бейджик «Привет! Я – Сэнди», носила в ушах маленькие сережки с лошадью. Вряд ли они были частью спецодежды – мне кажется, по закону никого нельзя заставить проколоть уши.

Сэнди в утреннюю смену обычно работала одна, и мы познакомились. В моем номере в «Республике» стояла плитка, на которой можно было разогреть суп, но иногда я ела в городе просто ради компании. Здесь было уютно и спокойно. Никто не подходил и не спрашивал, где у меня накопилось напряжение.

Сэнди оказалась помешана на лошадях. Когда она узнала, что я из Кентукки, то стала обходиться со мной так, словно я лично выиграла дерби.

– Как тебе повезло! – говорила она. – Я так мечтаю иметь собственную лошадь! Я бы вплела ей в гриву цветы, я бы гарцевала в манеже и выигрывала бы разные призы!

Сэнди была уверена, что в Кентукки² у каждого жителя есть свой породистый скакун, а то и два, и мне немалых трудов стоило убедить ее, что я ни разу не подходила к лошадям настолько близко, чтобы меня можно было лягнуть.

– В той части Кентукки, откуда я родом, жителям не до того, чтобы холить чистокровных лошадей, – говорила я. – Они бы сами не отказались жить, как эти лошади.

Известно ведь, что у каждой породистой лошади должен быть свой бассейн. А в округе Питтмэн бассейнов не было отродясь – ни для лошадей, ни для людей. Я рассказала Сэнди, какой у нас был переполох, когда какие-то богачи купили за шесть миллионов американскую легенду – жеребца Секретариата. К тому времени он уже закончил карьеру на скачках, но они рассчитывали получить от него дорогое потомство. Однако вопреки ожиданиям, он оказался «неохотным осеменителем», что в переводе с канцелярского означает «геем»: за весь сахар Гавайских островов не хотел связываться с кобылами.

Сэнди была ошеломлена новостями о сексуальной жизни самого дорогого жеребца Соединенных Штатов.

---

² Штат Кентукки славится конными заводами.

– Разве ты не слышала? – спросила я ее. – Наверняка про это говорили во всех новостях.

– Нет! – отозвалась Сэнди, яростно начищая до блеска плиту и глядя по сторонам – нет ли в ресторанчике кого-нибудь еще, кроме нас. Но никого не было. Я всегда заходила сюда в половине одиннадцатого – это было не самое подходящее время для хот-догов, но я старалась, чтобы мы с Черепашкой питались два раза в день.

– И как тебе здесь работается? – спросила я ее однажды. В витрине уже пару недель висело объявление «Ищем сотрудника».

– Ой, замечательно! – ответила она.

Да уж, не сомневаюсь! Таскать по ресторану подносы с чили-догами «Тройная Корона» и бургерами «Твоя ставка» и выпроваживать алкашей и нищих, которые объедают со столов пакетики с растительными сливками – работа мечты. На вид ей было лет четырнадцать.

– Приходи к нам, – сказала Сэнди. – Ты из Кентукки, тебе вряд ли откажут.

– Почему бы и нет, – кивнула я.

Она что, думает, что я генетически запрограммирована курицу жарить?

– И сколько здесь платят?

– Три двадцать пять в час. Плюс бесплатно еда.

– Совсем забыла – у меня же ребенок, – опомнилась я. – Придется платить кому-нибудь, чтобы с ней сидели, больше, чем я смогу здесь заработать.

– Да это не проблема! – воскликнула Сэнди. – Можно оставлять ее в детском центре. Я так и делаю.

– А у тебя есть ребенок? – спросила я.

– Ну да! Мальчик. Ему почти два года.

Я-то думала, Питтмэн – единственное место на Земле, где обзаводятся детьми до того, как выучивают таблицу умножения. Я спросила Сэнди, что такое детский центр.

– Он бесплатный! – ответила она. – Это такое место в торговом центре, где за твоим ребенком присматривают, пока ты ходишь по магазинам. Но они же не знают, где ты на самом деле! Понимаешь? Главное – появляться каждые два часа, чтобы они думали, что ты покупательница. Я так и поступаю, когда у меня перерыв. Пятый автобус идет отсюда прямо до торгового центра. Или прошу съездить кого-нибудь из друзей. Людям, которые там работают, без разницы. Представь – там у них миллиард детей: ходят, ползают, играют. Откуда им знать, где чей ребенок и кто чья мать?

Говоря это, Сэнди вставляла маленькие белые корзиночки с цветной капустой, измельченной морковью и нутом в специальные углубления на стойке с салатами – приближалось время, когда люди повалят в ресторан на ланч. По какой-то странной прихоти на льду, который должен был держать салаты в холоде, был разложен искусственный виноград.

– Я съезжу и посмотрю, что там и как, – сказала я, хотя уже примерно представляла себе, что это за местечко.

– Если поедешь прямо сейчас, может, проведаешь и моего мальчика? – попросила Сэнди. – Его зовут Сиэтл. Я уверена, что он там один с таким именем. Просто посмотри, все ли с ним в порядке, хорошо?

– Сиэтл? Это в честь Сиэтла – города в штате Вашингтон?

– Нет, в честь Сиэтла Слу, знаменитой скаковой лошади. Он светленький, ни с кем не спутаешь. Похож на меня, только волосы светлее. Да, в этом центре нужно, чтобы ребенок умел ходить. Твоя дочка ходит?

– Конечно, ходит, – ответила я. – Когда есть куда пойти.

Стебель сельдерея выпал из корзиночки. Сэнди подняла его с пола и откусила кусочек.

– Я же не могу теперь с чистой совестью скормить его посетителю, – сказала она.

– Да не смотри ты на меня так! – отозвалась я. – Мне-то что? Можешь съесть хоть весь сельдерей, да еще эти искусственные виноградины. За три двадцать пять в час – имеешь право.

С минуту Сэнди задумчиво жевала зеленый стебель. Ее ресницы, покрашенные голубой тушью и слипшиеся, торчали в разные стороны, как цветочные лепестки.

– Ты знаешь, твоя девочка совсем на тебя не похожа, – сказала она после минутного молчания. – Не в обиду будь сказано. Но она очень миленькая.

– Она мне не дочка, – объяснила я. – Просто так получилось. Мне ее навязали.

Сэнди, замерев на мгновение, внимательно посмотрела на нас. Щипцы для салата зависли в воздухе.

– Очень хорошо понимаю, – сказала она наконец.

4. Таг-Форк

Миссис Логан – бабушка Лу Энн – и новорожденный младенец спали в большой комнате. Жара стояла невероятная, и шторы на окнах были задернуты. Последние две недели бабуля Логан топала по дому, постоянно задерживая шторы, которые Лу Энн только успела распахнуть, пока та наконец не сдалась, и теперь они проводили дни напролет в тускло освещенном полумраке.

– Можно подумать, тут кто-то умер, а не родился, – продолжала слабо возмущаться внучка.

Бабушка же заявляла, что январь выдался неестественно теплый и, если малыша не оградить от жары, он вырастет слабым и болезненным.

Проснувшись, бабуля Логан принялась отрицать, что вообще спала. Она просто дала глазам отдохнуть перед путешествием в Кентукки – все-таки три дня дороги! Да еще на автобусе.

На кухне Айви Логан и Лу Энн паковали в бумажный пакет бутерброды с болонской колбасой и желтые яблоки. Отдельно уложили термос с холодным чаем. Айви, с ее массивными руками и животом, укрытым передником, производила впечатление непререкаемого авторитета – даже здесь, на кухне в доме дочери, где все ей было незнакомо. Себе под нос она монотонно бурчала стих из религиозного гимна: «все грехи и печали наши снесем...», чем достала Лу Энн настолько, что та готова была закричать.

Лу Энн отбросила со лба упавшую прядь влажных светлых волос и сказала матери, что будет очень рада, если та останется еще на несколько дней. Каждый раз, когда Айви смотрела на нее, Лу Энн будто видела в ее взгляде темные усталые круги под собственными глазами.

– У тебя даже минутки не было, чтобы пообщаться с Анхелем, – сказала она матери. – У него во вторник выходной. Мы можем взять машину и куда-нибудь поехать. Как-нибудь поместимся. Или я останусь с Дуайном Реем, а вы поедете без нас. Так же нельзя – в кои-то веки приехать, из такой дали, и ничего не увидеть!

К удивлению Лу Энн, Анхель согласился вернуться на время, пока в доме будут гостить ее мать и бабушка. Лу Энн трудно было говорить с ним, да и смысла в разговорах не было, но, по крайней мере, он понимал, что матери и бабушки – великая сила. Если бы бабуля Логан узнала о предстоящем разводе, ее хватил бы апоплексический удар. И, конечно же, они с Айви стали бы в один голос настаивать, чтобы Лу Энн вернулась домой.